

АННА ШНАЙДЕР

Анна Шнайдер

Уроки для двоих

<https://litres.ru/74204522>

Аннотация

Алёна - одинокая мать, воспитывающая мальчишек-близнецов. А ещё - учительница русского языка и литературы. И жизнь её далека от волшебной, даже несмотря на "волшебные" имена сыновей. И кажется, ничто не в силах это изменить... и уж тем более никак не повлияет на её жизнь появление нового соседа в доме, оказавшегося учителем математики в школе, где работает Алёна. Или всё-таки... повлияет?

История Феди и Оли - "Мне не нужна твоя любовь".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	44
3.2	67
Глава 4	88
Глава 5	115
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Глава 1

Телефон в сумке истошно завибрировал, и я поморщилась.

Не хочу, не хочу, не хочу. Не буду!

— Что ты там не будешь? — с интересом спросила Галя — для учеников Галина Николаевна Новицкая, — учитель математики и моя соседка в автобусе.

— Да всё я буду, — пробурчала я, залезая в сумку и нервно хватая телефон.

Мама. Ну конечно, кто же ещё!

«Если ты не приедешь в ближайшие два часа, я застрелюсь».

Я хмыкнула. Застрелится она!

«Из чего ты застрелишься? У нас дома нет огнестрельного оружия».

«Из чего угодно. Или их застрелю!»

«Что они натворили?»

«Увидишь».

Увижу, конечно. Куда я денусь.

— Что там? — от любопытства Галя аж подпрыгнула в кресле.

— Всё как всегда. И вообще... — Я вздохнула, закидывая смартфон обратно в сумку. — Я плохая мать.

— С чего это вдруг?

— Не хочу домой.

— Ну, знаешь ли! На твоём месте я бы тоже не хотела. Всё-таки ты, можно сказать, отдохнула...

Да уж, отдохнула. Любой другой учитель назвал бы поездку с десятым классом на майские праздники в соседний город каторгой. Только не я.

Каторга ждала меня дома последние десять лет жизни. В двойном экземпляре. И звали эту каторгу Федей и Димой, а для особо приближённых к императору — Фредом и Джорджем. Если вы, конечно, понимаете, о чём я.

Да-да. Рыжеволосые мальчишки-близнецы существуют, и живут они у меня дома. Но я, в отличие от их книжной мамы, не могу взмахнуть волшебной палочкой и за секунду убрать последствия всевозможных, как они говорят, «увлекательных приключений». А иногда очень хочется...

Чего только они не вытворяли за всё время своего существования. И покрашенного зелёнкой кота можно считать самым безобидным хулиганством моих мальчишек. Как сказала тогда мама: «Скажи спасибо, что они его не засунули посушиться в микроволновку». Услышав подобное утешение, я чуть в обморок не упала, а Фред возмутился: «Ба, ты что! Мы же не дураки!» И они с Джорджем ещё обиделись на скептический бабушкин взгляд.

Ни одного дня у меня не проходило без какого-нибудь «увлекательного приключения», и я уже начинала с ужасом ждать того времени, когда эти двое станут подростками. Ес-

ли они сейчас, в десять лет, просто нескончаемый рыжий кошмар, то что будет лет через пять?!

Именно поэтому тридцать десятиклассников не казались мне такой уж катастрофой. Все их шуточки я всё равно знаю наизусть, а вот чего ожидать от собственных сыновей...

Ладно. Судя по тому, что мама не звонит мне в панике, квартира до сих пор не сгорела. Буду утешать себя этим.

— Нам ещё три часа ехать. — Галя похлопала меня по плечу. — Успеешь немного отдохнуть.

— Я успею отдохнуть и немножечко вздремнуть, — продекламировала я по своему обыкновению небольшое рифмоплётство и съехала в кресле чуть ниже, чтобы действительно попытаться вздремнуть. Если это, конечно, мне удастся — десятиклассники-то не дремлют.

Позади кто-то звякнул бутылкой, и я сразу вскинулась, а Галя посуровела.

— Пойду, проверю. Если что, позову.

Я кивнула. Надеюсь, что это хотя бы пиво, а не водка, как в прошлый раз.

Сегодня мои десятиклассники отличились приличным, как никогда, поведением. И бутылка оказалась всего лишь бутылкой минералки, и в карты на раздевание они не играли, и не ходили курить в дальний конец автобуса. Хотя последний пункт был невозможен — самые крайние места занимала наша «сладкая парочка», Дима Енин и Саша Арбузова.

Поначалу мы с Галей пыталась оторвать их друг от друга — в буквальном смысле оторвать: Енин в Арбузову как будто корни пустил, — но потом отчаялись и просто следили за тем, чтобы ребята не позволяли себе ничего лишнего, кроме обниманий.

Задремать мне удалось ближе к концу и ненадолго — пока кто-то из моих активистов не предложил «спеть в честь праздника» и на весь автобус не грянуло: «А значит, нам нужна одна победа! Одна на всех, мы за ценой не постоим!»

Орали ребята самозабвенно — у меня даже в ушах зазвенело.

Дослушав исполнение, кряхтя, как старая бабка, после долгого сидения в автобусе, я встала и поинтересовалась, обведя суровым взглядом салон:

— И почему же вы так слаженно и громко не пели на недавнем концерте, а?

Я думала их смутить, но шестнадцатилетних лбов фиг смутишь.

— Тогда было не от души! — громко и нагло заявил Федя Ключков, самый главный троечник среди моих подопечных. — А сейчас — от души!

— Ах вот оно что, — я усмехнулась и вновь обвела взглядом салон. Чёрт, ехать ещё почти полчаса, а им уже явно надоело. — Тогда предлагаю вам от души спеть что-нибудь другое, тоже военное. Какие ещё песни знаете? Ну-ка. Кто больше назовёт, получит от меня в понедельник пятёрку по

литературе.

Ох, что тут началось...

— Этот День Победы пороховым запахом!

— Тёмная ночь, только пули свистят... э-э... где-то там!

— Идёт война народная, священная война!

— Выходила на берег Катюша!

Я кивала, ребята распались. Каждый хотел пятёрку. Но песен они всё же знали мало, поэтому после песен мы перешли к фильмам. Многие хватались за смартфоны, но бесполезно — сеть здесь не ловила.

Победил в итоге, к моему удивлению, Ключков. Надулся, как индюк, в своём кресле и гордо покосился на нашу главную отличницу — Наташу Иванову. Он, как и положено троечникам, был в неё влюблён. И естественно, безответно.

Минут за десять до приезда пришло очередное сообщение от мамы.

«SOS».

Всё. Кирдык. Раз мама заговорила аббревиатурами — ситуация точно перешла во внештатную.

Может, в следующие разы брать Фреда и Джорджа с собой в поездки с моим классом? Ох, нет, идея не очень... Ещё научат моих милых и наивных деток плохому.

Десятиклассники-то вспоминали и пели только приличные песни. А Фред с Джорджем точно выдали бы что-нибудь типа: «Выходила на берег Катюша и плевалась тухлой колбасой».

И это ещё в лучшем случае.

Через полчаса мы наконец приехали в город и смогли покинуть автобус. Я проследила, чтобы все оттуда вышли и вошли в метро, посадила своих деток вместе с Галей в поезд, а сама помчалась наверх, на вокзал. Мне нужна была электричка.

Телефон подозрительно молчал, «SOS»-ами мама больше не бросалась. Мне бы радоваться, но я-то знала — это может значить что угодно. Один раз мои охламоны, пока мама мылась, решили зачем-то поковыряться в замке двери ванной комнаты. Хотя почему «зачем-то»... Позже Фред и Джордж рассказали мне зачем. Они вообще всегда знают, зачем что-то делают, но легче от этого не становится.

В общем, замок заклинило. Близнецы в хохот, мама в ор, наш кот Фима в меланхолию. Ковырялись до самого моего прихода, пытаюсь освободить родную бабушку из ванного плена, но ничего у них не вышло.

Как сейчас помню — я в тот день так радовалась, что мне никто не звонит. Я объясняла сложную тему девятиклассникам, Фред и Джордж болели дома ОРЗ, и я считала, что у них не будет сил на пакости. В то время я ещё была полна оптимизма насчёт своих обормотов. Близнецам было по шесть лет, и я полагала, что через годок-другой станет легче.

Фиг вам, называется.

Только хуже становится...

Электричка, печально вздохнув и задребезжав какими-то несмазанными деталями, распахнула двери. Я выскочила из вагона навстречу хорошей майской погоде и побежала к лестнице, ведущей в подземный переход.

Добежав, сдавленно хмыкнула — картина передо мной нарисовалась совершенно прекрасная. Двое мужичков среднего возраста, с опухшими от постоянного пьянства физиономиями, пытались взойти вверх по лестнице и поднять туда же свою спутницу — тётку с не менее опухшим лицом и размазанной по щекам ярко-красной помадой. Все трое качались, все трое распространяли вокруг себя прекрасный аромат круговорота алкоголя в организме, все трое матерились. Но мат этот заглушала песня, грохотавшая из динамика мобильного телефона одного из них:

«Я знаю три слова, три матерных слова, со знанием этим я вышел из дома...»

На секунду я застыла, вслушиваясь в почти позабытые дурацкие слова из моего далёкого детства.

«Я знаю три слова, три матерных слова, на этом словарный запас мой исчерпан...»

Задыхаясь — то ли от хохота, то ли от аромата, — я побежала вниз по лестнице. А вслед мне неслось:

«У-у... и я самый модный... и, видимо, самый красивый...»

Дым, вырывающийся из нашего кухонного окна, я заме-

тила ещё на подлёте к дому. Чертыхнулась, выругалась — и припустила быстрее.

К сожалению, пожары в моей жизни уже были — как и «наводнения», — и я очень надеялась на то, что близнецы сейчас просто что-нибудь пережарили и нам не придётся вызывать пожарных.

Я позвонила в дверь, слегка подпрыгивая от волнения и повторяя про себя присказку «мужчины в самом расцвете сил»: «Спокойствие, только спокойствие!»

— Наконец-то! — мамин голос был полон неподдельной радости. Что ж... мама живая — уже хорошо. — Алёна, как я рада тебя видеть!

— Не могу вернуть тебе сей комплимент, — пробурчала я, заходя в коридор и переобуваясь в тапочки. — И вообще, где мои черти? И почему так тихо?

— Затаились, — родительница пожала плечами. — В свою комнату пошли. Сказали, что к твоему приходу уберутся.

— А с кухней-то что?

— Могло быть и хуже, — обнадѣжила меня мама, и я, вздохнув для храбрости, отправилась на кухню.

Пахло там... как сказали бы Фред с Джорджем — зашибенно. Аромат чего-то палёного, похожего на молоко, действительно сшибал с ног.

Но я устояла. Мы ещё и не то нюхали... Помню, сосед Вася с первого этажа отчищал от краски штаны во дворе —

бензином отчищал. И мои охламоны, услышав рассказ весёлого маляра про то, что «бензин всё отчищает», решили попробовать и узнать, всё или не всё. Позаимствовали у соседа бутылку с бензином — и он, сволочь, дал! — и попробовали. Закинули в барабан стиральной машины постельное бельё и врубили стирку.

Бельё я потом выбросила, стиральную машину отмыла, но бензином из неё пахло ещё долго. А соседу Васе сказала, что рекламщик из него точно не получится.

В общем, горелое молоко — это фигня. Дымок, исходящий сейчас из открытой духовки, беспокоил меня гораздо больше.

— Что спалили-то, мам?

— Сгущёнку. Они же любят варёную, ты знаешь. Засунули так, без водяной бани.

— А-а-а. Лишняя деталь типа.

— Вот-вот. А я даже не знала, что они духовку включили... Точнее, не слышала. Я гостиную к твоему приходу пылесосила. Хоть там у нас чисто...

— Ничего, — я махнула рукой, направляясь к выходу из кухни, — это ненадолго, ты же знаешь.

Мама промолчала.

Фима — слава богу, непокрашенный, и даже не побритый, — сидел в коридоре и важно махал рыжим хвостом. Я потрепала его по лобастой голове и пошла в комнату близнецов.

Меня встретили широкими улыбками и совершенно свя-

тыми лицами. Вот посмотришь на таких и подумаешь: не детки — ангелы...

Черти. Рыжие черти. Всё жду, когда у них рога, копыта и хвосты начнут расти. Наверное, с половым созреванием появятся.

— Мамочка!

— Мама!

Я не удержалась, обняла. Хотя не менее сильно, чем обнять, мне хотелось их придушить.

— Ну и что вы можете сказать в своё оправдание? — грозно спросила я, сводя брови.

Фред и Джордж шмыгнули носами и синхронно виновато повесили головы.

— Мы для тебя сгущёнку варили, мам...

— Ага. Ты же любишь...

— Отмывать я её не люблю.

— Мы отмоем! Честно-честно, мам!

— Да!

Головы обрадованно поднялись, глазки радостно захлопали. Черти.

— Нет, ребятки. Мыть буду я, иначе от нашей духовки останутся рожки да ножки. А вы... н-да. Вещи свои вы тоже для меня разбрасывали?

— Не-е-е! — синхронно помотали головами. Фред с Джорджем часто что-то делают синхронно. В основном они, конечно, синхронно пакостят. — Мы играли в Рим!

— Во что?!

— В Рим!

О боже.

— И как вы в него играли?

— Тоги делали.

Вновь взгляды в пол.

— Тоги... Угу. Из чего?

Ответ мне был не нужен — я уже заметила, что на окнах не хватает и тюля, и занавесок.

Римляне, блин!

— Та-а-ак. Всё повесить обратно, книги убрать в шкаф, вещи на свои места. Даю вам час! А я пока пойду на кухню. Сегодня вы без сладкого!

Это была моя стратегическая ошибка. Самое страшное наказание нужно было приберечь на потом, а я... сглупила.

За что и поплатилась.

Средств для отмывания всего подряд дома у меня — целая батарея. Стратегические запасы на любой случай жизни. И как хорошо, что близнецы покинули тот возраст, когда эти самые запасы пьются вместо лимонада...

Это был мой старый страх — я дико боялась, что однажды им в голову придёт выпить уксусную кислоту, бензин или растворитель. Я до сих пор этого боюсь, хотя теперь уже знаю — мои черти никогда не станут делать то, исход чего заранее известен. Выпить растворитель, специально что-то поджечь

или устроить потоп — нет. Это скучно. Фред и Джордж были экспериментаторами.

Но, честно говоря, утешало это мало.

— Что ещё они творили, пока меня не было? — поинтересовалась я у мамы, доставая из-под раковины разнообразные пузырьки и бутылки.

— Ничего особенного, — родительница махнула рукой. — В первый день мы ходили в парк аттракционов, а после в аквапарк и так устали, что после ужина почти сразу уснули. Вчера устроили пикник и познакомились на прогулке с большой овчаркой по имени Кайзер.

— Без хозяина, что ли?

— Почему без хозяина? Нет, хозяин был, точнее хозяйка, девчонка молодая. Разрешила Фреду и Джорджу играть со своей собакой. В итоге я так и не поняла, кто кого больше утомил. Носились они часа два как угорелые, ты бы видела...

— Представляю, — пробормотала я, оглядывая внутренности духовки. Там всё было так красиво — хоть картину пиши. Потёки пригоревшей варёной сгущёнки на стенках, лужица палёной сгущёнки на дне. Интересно, это вообще отмоется?

— В общем, проблемы начались только сегодня, — продолжала между тем мама. — Думаю, они просто соскучились, Алён. С утра я делала блины, всё не съели, и оставшиеся Фред с Джорджем решили превратить в торт. Внутри варёная сгущёнка, сверху шоколад. До шоколада, как видишь,

дело не дошло...

— Посмотри на это с другой стороны, мам, — сказала я с бравурным оптимизмом в голосе. — Хорошо, что Фред и Джордж решили сварить сгущёнку в духовке, а не на плите. Поверхность для отмывания в духовке куда меньше площади кухни.

За моей спиной раздался нервный смешок.

Но ответить мама не успела — из комнаты близнецов вдруг послышался громкий хохот. Я похолодела — мои черти обычно так хохотали, когда у них «шалость удалась»...

Блин. Сейчас-то что?!

Я бросила жёсткую губку, стянула перчатки и метнулась к Фреду и Джорджу, костеря себя за то, что оставила их одних. Надо было не слушать мамины увлекательные рассказы, а послать её караулить наших оболтусов!

В комнату я ворвалась разъярённым тайфуном, хлопнув дверью так, что штукатурка посыпалась, а хохот разом прекратился.

Близнецы, стоявшие на балконе, поспешно стирали улыбки со шkodных лиц.

— А мы ничего, мам...

— Да, мы так просто...

Угу.

— Я родная ваша мама, но не верю вам ни грамма, — продекламировала я. — Потому что вы, ребята, настоящие чертята.

Чертята насупились, а я вошла на балкон. Здесь всё было в порядке, если не считать воды на полу.

Вода. На полу. Та-а-ак...

Я открыла окно и поглядела вниз. Это мы уже проходили — бросать «бомбочки» в прохожих Фред и Джордж навострились ещё в раннем детстве, поэтому я прекрасно осознала, что может значить вода на полу. Хотя и не всегда, конечно. Один раз близнецы решили устроить зимой каток на балконе. И у них даже получилось. Только кататься там было невозможно ввиду малого пространства, а вот грохнуться — да за милую душу.

Живём мы на десятом этаже, так что попасть в кого-то удаётся не всегда, но на этот раз они попали. Внизу под окнами стоял и отряхивался какой-то мужчина в шляпе. С собакой.

— Извини-и-и-ите-е-е! — закричала я дурным голосом, свесившись из окна и размахивая рукой. Белого флага только не хватает. — Извини-и-ите-е-е, мы... — Блин, ну не орать же: «Мы не нарочно»?! — Мы-ы-ы сожа-а-але-е-ем!

Мужчина поднял голову, посмотрел на меня. Собака его — кажется, ретривер — ещё раз отряхнулась. Видимо, ей тоже досталось.

Я захлопнула окно и повернулась к своим обалдуям.

Они синхронно опустили ангельские личики вниз и синхронно вздохнули. Мол, давай, наказывай, знаем, что виноваты.

Фред и Джордж вообще никогда не отрицали свою вину, не пытались оправдываться. Они могли промолчать, но, если уж доходило до истины, признавали свои косяки.

Правда, это не мешало мне хотеть придушить их обоих.

— Ну? И что делать будем?

Тяжёлые вздохи и взгляды исподлобья.

— Сладкого ты нас уже лишила, — пробурчал Фред. Джордж кивнул.

Я всегда легко их различала — так же, как и моя мама. А вот у других людей с идентификацией личностей возникали проблемы — парни мои абсолютные ксерокопии друг друга.

— Ах, вот в чём дело, — протянула я, скрещивая руки на груди. — Поэтому вы решили, что вам теперь всё можно? Спешу огорчить: сладкого я вас лишила только на сегодня. До этого момента с бомбочкой. Теперь и до конца недели никакого сладкого!

— Ну ма-а-ам! — завyli хором мои рыжие кошмары.

— А если будете ещё безобразничать — достану папин ремень.

Близнецы струхнули. Будь они собаками — повесили бы горестно ушки. А так просто насторожились и слегка присели.

— Ты же шутишь, да, мам?

— Шутишь, да?

— Нет! — рявкнула я. — Вы...

Я хотела сказать откровенно, что хочу их придушить и ре-

мень — это неплохой компромисс, но тут в дверь позвонили.

— Ага! — обрадовалась я и схватила близнецов за уши. Фреда за левое, Джорджа за правое. — Небось пострадавший наш пришёл. Возмущаться. Ну-ка, пошли извиняться!

Близнецы пытались вывернуться из моей железной хватки, но у них это не получилось — рука у меня была жёсткая, натренированная. За уши держала и была по жопам с самого их детства.

Когда я вытащила своих чертей в коридор, мама уже открывала входную дверь и негромко здоровалась с визитёром. Я подтащила пыхтящих мальчишек ближе к двери, отодвинув родительницу в сторону, и грозно буркнула:

— Ну?!

Стоящий за дверью мужчина вздрогнул и посмотрел на меня с удивлением. Свою промокшую шляпу — светлую, на манер ковбойской — он держал в руке, поэтому я сразу заметила, что наш пострадавший не менее рыж, чем мои сыновья.

Собаки с ним не было.

— Простите?.. — он слегка наклонил голову. Моё подсолнечное фиксировало детали: голубые глаза, гладко выбрит, лицо мужественное, приятное. И ресницы не прозрачные, как это частенько бывает у рыжих.

— Извиняйтесь! — рявкнула я и дёрнула своих чертей за уши.

Мужчина опешил.

— Я?!

— Да не вы! — я поморщилась. — А обалдуи эти! Давай-те, ребята, быстро говорите, как вы жалеете о случившемся и раскаиваетесь!

— А врать нехорошо! — хором протянули Фред с Джорджем. Я вновь дёрнула их за уши. — Ну ма-а-ам!

— А швыряться «бомбочками» с балкона, значит, хорошо?! — возмутилась я. — Быстро извиняйтесь, я сказала! А то месяц будете без сладкого!

— Ла-а-а-адно...

— Хорошо-о-о...

Но извиниться мои охламоны не успели.

— Не нужно, — сказал мужчина быстро, что-то достал из кармана ветровки и протянул мне. — Вот, возьмите. Она была внутри воздушного шарика. Одного из воздушных шариков, точнее.

Руки мои были заняты, поэтому я просто опустила глаза... и увидела резиновую уточку. Жёлтую резиновую уточку, которая уже тысячу лет стояла на краю ванны. Когда Фред с Джорджем были маленькими, я пускала её поплавать, но теперь она давно просто стояла там.

Видимо, близнецы решили, что уточки должны не только плавать, но и летать. С балконов.

— Угу, — я вздохнула, чувствуя, что ещё немного — и сама захочу полететь с балкона головой вниз. — Так... подождите... Вы сказали — одного из воздушных шариков?

— Верно, — мужчина кивнул, по-прежнему протягивая мне уточку.

— А сколько их было?!

— Три.

— Неправда! — хором возвестили мои черти. Фред продолжил: — Их было четыре! Один не попал. И в вас попали только два! Третий угодил в собаку.

Господи, как же хорошо, что они не додумались налить в эти шарики какую-нибудь краску, хлорку или клей. Вода с уточками — почти безобидно.

— Верно, — подтвердил мужчина. — Возьмите вашу игрушку, и я пойду. Извинений не нужно. Я обойдусь.

— Зато я — не обойдусь! — отрезала я, игнорируя уточку. — Фред! Джордж!

У нашего нового знакомого вытянулось лицо.

— Простите?..

— Их так зовут! — пояснила я. — Я жду.

— Ла-а-адно!

— Хорошо-о-о!

— Простите нас! Мы больше не будем...

— Кидаться...

— В вас...

Отлично. В него они наверняка больше не будут кидаться, зачем? Этап пройден. А вот в кого-нибудь другого — вполне.

С другой стороны, хоть так...

Уши были опущены, уточка взята, и мои бандиты сразу

пулей убежали в свою комнату. Только пятки засверкали.

— Ну что ж, я... — мужчина тоже собрался уйти, но я остановила его вопросом:

— А зачем вы её принесли? Оставили бы там, где-нибудь на лавочке.

Он вновь удивлённо на меня посмотрел и нахлобучил на голову мокрую шляпу.

— У моей собаки почти такая же уточка, — пожал плечами. — Я подумал, вдруг она вам нужна. И потом, это было не трудно. Я живу в квартире под вами со вчерашнего дня.

— О-о-о, — протянула я. — Сочувствую.

Он почти неувовимо улыбнулся, кивнул и ушёл.

А я отправилась на кухню. Перед этим только зашла в ванную и поставила на место жёлтую, как яичный желток, уточку.

Станный он какой-то... И рыжий к тому же.

Интересно, как его зовут?

.

Духовку я отмыла. Иногда я думаю: если с нашей школой, где я преподаю русский язык и литературу, что-нибудь случится, я всегда смогу устроиться куда-нибудь уборщицей. За десять лет существования в моей жизни Фреда и Джорджа что я только не отмывала...

Был у нас с ними «зелёночный» период — в то время они разрисовывали зелёнкой не только Фиму, но и стены, и пол, и потолок, и даже себя. Вот уж что практически невозможно

отмыть. А взорвавшаяся сгущёнка, заляпавшая духовку, — так, мелочь.

После того как наш странный сосед — мысленно я окрестила его Шляпником — ушёл, близнецы уgomонились. У них так бывает чаще всего — то шkodят и шkodят, вздохнуть не дают, а потом вдруг завод кончается, и они становятся паниньками.

До следующего раза...

Я позволила себе немного расслабиться только после ужина, когда мама отправилась смотреть любимый сериал, а Фред и Джордж ушли в свою комнату и там тихо-мирно достали одну из настольных игр. Предлагали и мне присоединиться, но больше всего на свете я сейчас хотела одиночества. И музыки.

Музыка — мой способ успокоиться и не сойти с ума. Я и раньше любила слушать музыку, а после смерти мужа начала делать это постоянно. Вместо того чтобы думать и лелеять собственную боль, я предпочитала включать что-нибудь ритмичное или лиричное — и заполняла себя мелодиями до краёв.

Фред и Джордж росли в пространстве, наполненном различной музыкой, и были такими же меломанами, как и я. Я предлагала им музыкальную школу, но, как заявили мои охламоны, «играть музыку не то же самое, что слушать». И я не стала настаивать. Плавание, футбол, настольные и компьютерные игры — близнецам хватало занятий.

Сегодня я выбрала для себя хрустальный вокал Хейли Вестенра и, зайдя в нужный плейлист, включила первую попавшуюся песню.

*Сквозь окно в моей душе
Все секреты, что держу,
Будут твои всегда, всегда.
Словно шёпот, ветерок
Легко касается моей кожи.
Я знаю, что ты со мной
Всегда, всегда*.*

*(*очень вольный перевод песни Hayley Westenra "My heart belongs to you")*

Я вздохнула.

Да, ты со мной... Всегда-всегда.

Где-то через полчаса, когда я почти уснула, ощутила, как по обеим сторонам от меня легли близнецы. Улыбнулась, перевернулась на спину и перетасила их к себе поближе, прижала к плечам рыжие макушки.

Черти. Только ради вас и живу...

Глава 2

Проснулась я от душераздирающего, но синхронного пения:

— Говорят, мы бяки-буки,

Как выносит нас маман?

Но зато не знаем скуки,

Как положено чертям!

Ещё не до конца проснувшись, я уже начала трястись от хохота.

— Долго сочиняли?

Дети вопрос проигнорировали, пропев:

— Ой-ля-ля, ой-ля-ля,

Ай да круглая Земля!

Ой-ля-ля, ой-ля-ля!

Эх, мам!

«Эх, мам», — это точно.

Я приоткрыла один глаз и покосилась на часы. Семь утра, пора, как говорят мои близнецы, «стэндапить». И гоу бэк ту скул.

Словно в ответ на эту мысль истошно зазвонил будильник. Фред и Джордж на секунду запнулись, но затем продолжили:

— Ой-ля-ля, ой-ля-ля,

Эх, мам!

— Эх, черти! — я слезла с кровати и запустила в детей

подушкой. — Ну-ка, быстро умываться!

— А мы уже! — кивнул Фред, а Джордж добавил:

— И Фима!

О-о-о. Бедняга.

Совершенно мокрый Фима сидел посреди коридора и сосредоточенно вылизывался. Увидев меня, насторожился, а уж когда из комнаты выбежали черти, подпрыгнул и бросился наутёк в своё любимое место — под ванну.

— Эх, ничему тебя жизнь не учит, — пробурчала я и зашла следом. — Мои бандиты тебя поэтому под воду и засушили, что ты сам сюда прибежал. Надо было прятаться под кровать!

Фима высунул задумчивую морду из-под ванны и опасливо мяукнул. Почему-то в этом мяве мне послышалось: «Да ты что, хозяйка, всё равно достанут, если им захочется...»

Вообще «всё равно достанем» — вечный девиз Фреда и Джорджа. И спасибо, Господи, что они не волшебники с палочками! Иначе от их «чудес» я бы уже повесилась.

Я быстренько умылась, чтобы не оставлять своих оболтусов надолго с мамой наедине, и побежала на кухню. Завтрак уже был готов, как обычно. За завтрак в будни отвечала мама, а в выходные — я.

У сидящих на табуретках мальчишек были на редкость святые лица. Я посмотрела на свою табуретку — чисто. В тарелку. Обычные сырники. Банка со сгущёнкой, упаковка

сметаны, чай... Ну, разве что чай...

Понюхала. Чай пах чаем.

Я совсем насторожилась.

— И где вы нашкодили?

Мои черти синхронно выпрямились, выставили подбородки вперёд и заголосили:

— Нигде!

— Мы молодцы! Так Нина Васильевна говорит!

Я умилилась. Нина Васильевна — классный руководитель, святая женщина, сказавшая мне ещё в самый первый день первого класса: «Если я за четыре года начальной школы не прибую их обоих, поставишь мне памятник. Или хотя бы коньяк».

Надо будет купить.

— И почему же Нина Васильевна так говорит?

Фред и Джордж гордо надулись.

— У нас все оценки в году — пятёрки!

У меня изо рта от удивления выпал кусок сырника. Вот же! Я думала, хоть одна четвёрка в итоге получится, но эти черти... хитрые!

— Ты нам обещала-а-а-а!

— Да-а-а-а, обещала-а-а!

Мама, хихикнув, отхлебнула чаю и подпёрла щёку рукой, глядя на внуков с умилением. Театр двух актёров!

— Обещала? — я решила прикинуться ветошью. В конце концов, если им можно, почему мне нельзя? — Не помню.

— Ну как же! — Фред всплеснул руками.

— Мы же договаривались! — закивал Джордж.

— Н-да? — я пожала плечами и вновь забросила в рот кусочек сырника, измазанный в сгущёнке. — Знаете, как говорят? Это было давно и неправда.

— Ну ма-а-ам! — возмутились мои бандиты вновь хором.
— Так нечестно-о-о-о!

— Нечестно, значит? — я подняла брови. — А бомбочки с балкона кидать честно? Или, как на прошлой неделе, подкладывать мне в стиральную машину к белому белью синие носки? Или менять местами соль и сахар?

— Это было давно! — возразили мои оболтусы. И, подумав, добавили: — И неправда!

Мама вновь захихикала, а я только закатила глаза.

— Резюмирую, короче. Пока не научитесь хорошо себя вести — никаких скутеров!

— Гироскутеров...

— Да хоть гидро!

— Ну ма-а-ам!

— Так! Вы поели? Тогда стэнд ап! И марш одеваться.

Близнецы какое-то время недовольно посопели, но потом всё же встали и отправились в свою комнату.

— А ведь они правы, Алён, — протянула мама, как только шаги наших бандитов затихли, — ты действительно обещала купить эти скутеры, если в году они получают одни пятёрки.

— Знаю, — я поморщилась. — И куплю. Только не гово-

ри, пусть помучаются.

— Х-м-м... Зачем им мучаться?

— Из вредности! Моей. Они же меня мучают. Могу я хотя бы иногда помучить их?

— А-а-а, — понимающе протянула мама, улыбаясь.

В школу Фред и Джордж отправились всё такими же несдуваемо-надутыми от обиды, какими были дома. Сверлили меня умоляющими взглядами и вообще всячески прикидывались небесными ангелочками, которых несправедливо обидела злобная мать.

Я по-прежнему строила из себя ничего не понимающую ветошь, хлопая глазами и разговаривая о погоде. Главное, чтобы они теперь из вредности чего-нибудь не задумали, а то с них станет захотеть исправить пятёрки на четвёрки. Хотя... нет, это вряд ли.

Был у Фреда с Джорджем маленький пунктик, которому в душе я страшно радовалась. Мои оболтусы терпеть не могли плохие оценки, им нравилось быть отличниками. Даже четвёрки мальчишек изрядно бесили, заставляя лишний час сидеть за выполнением уроков. Вот так и получалось, что, будучи отъявленными хулиганами, мои черти умудрялись быть в классе... нет, не первыми. Вторыми.

Всю малину им портила Юля Бессонова. Маленькая отличница, которой Фред и Джордж уже четвёртый год отравляли жизнь. Отравлять жизнь бедной девочке, можно ска-

зять, сам Бог велел — мои чертята были отчаянно в неё влюблены с первого класса. Оба, как положено. Но Юля — тоже как положено — взаимностью не отвечала. Да и как тут ответить, если тебя то за косу дёргают, то портфель твой прячут, то в пенал резинового паука подкладывают, чтобы визжалось громче.

Хотя... надо быть справедливой. Визжать Юля перестала ещё в первом классе. Она была очень умной девочкой и быстро смекнула, что к чему. Да, умная и очень хорошая девочка... И единственное, чего я боялась, — что мои оболтусы когда-нибудь из-за неё перессорятся.

Я довела Фреда и Джорджа до третьего этажа — места дислокации младших классов — и пошла к себе, на четвёртый. В свой родной кабинет, где я работала уже... да, почти девять лет.

Первым уроком была литература у моих десятиклассников. Они толпились у кабинета, как обычно — часть просто болтала, другая что-то лихорадочно списывала. Скорее всего, физику — у ребят на носу была контрольная работа.

Я открыла кабинет и запустила детей внутрь, сразу попросив их открыть окна — с ночи воздух застоялся, а на улице как раз прекрасная майская погода. Романтика! Сейчас бы рассказывать про поэтов Серебряного века... Жаль, что у нас по программе Чехов.

Я посмотрела на доску и нахмурилась. Нет, писать сегодня вроде не понадобится, но порядок есть порядок.

— Если мела нету в классе, зол учитель и опасен, — продекламировала я, выразительно глядя на Федю Ключкова. Тот пробурчал: «Почему всегда я?», но покорно отправился в учительскую за мелом.

Почему всегда он? На самом деле это хороший вопрос. За шесть лет, что я вела этот класс как классный руководитель, я прекрасно изучила своих подопечных. И знала, что рыцарь у нас тут только один. И это Федя.

Вернулся Ключков через пару минут, с мелом в руке и взбурдаженными глазами на круглом лице.

— Алёна Леонидовна, — зашептал он, остановившись перед моим столом, — а там... А вы, наверное, не знаете... или знаете?

— Может, и знаю. Ты скажи, что я там знаю, и я скажу, знаю я или не знаю.

Ключков мотнул головой — видимо, она у него закружилась от этих многочисленных «знаю». Вспомнилась старая песня группы «Флёр»: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь. И ты скрываешь то, что я скрываю, что ты скрываешь».

Мне, как меломану и литератору в одном лице, эта игра одних и тех же слов страшно нравилась. На одном уроке я даже предлагала ребятам самим сочинить подобное. «Я боюсь, что ты боишься, что я боюсь, что ты боишься», и так далее...

Между тем Ключков выпалил:

— Там... к Марине Владимировне... мужчина! Я краем уха слышал. Он сказал, что учитель математики. А... Галина Николаевна уходит?! Или Ольга Петровна?!

Ольга Петровна, на мой скромный взгляд, могла уйти отсюда только в мир иной. Она проработала в этой школе всю жизнь и собиралась работать до последнего.

А вот Галя...

— Федя, — сказала я строго, — не разболтаешь?

Клочков помотал головой. Я знала, что Федя ничего не разболтает — настоящие рыцари не болтливы.

— Галина Николаевна с сентября в декрет уходит, так что вам со следующего года поставят либо этого нового мужчину, либо... Ольгу Петровну.

Из груди десятиклассника вырвался полузадушенный протестующий писк. И я его понимала: Ольга Петровна, в конце концов, была не только преподавателем алгебры и геометрии, но и моим классным руководителем, когда я ещё училась в школе. Мы за глаза звали её «Олег Петрович», и подозреваю, что она об этом знала. И ей это нравилось.

Клочков и другие мои ребята общались с Ольгой Петровной плотно всего пару раз — когда она заменяла заболевшую Галю Новицкую.

Впрочем, им хватило.

— Только бы не Ольга Петровна! — пробормотал Федя.
— Второй учитель приветливее выглядит. И он, — Клочков вдруг улыбнулся, — рыжий. Как ваши близнецы!

М-да. Что-то везёт мне в последнее время на рыжих.
Или наоборот — не везёт.

После первого урока, на котором я вдохновенно вещала десятиклассникам про «Вишнёвый сад», я заглянула в учительскую. Честно говоря, хотела просто поинтересоваться у Марины Владимировны Шустровой, нашего завуча по учебно-воспитательной работе, как ей новый кандидат на Галино место... но застала там и его самого.

Он стоял перед столом, за которым сидела Марина Владимировна, и кивал в ответ на её слова. Судя по тому, что она ему говорила, — кандидата взяли.

Но это оказался не просто кандидат, а...

— Алёна Леонидовна! — Шустрова, заметив меня, махнула рукой. — Идите, познакомьтесь...

...а наш сосед снизу. Шляпник!

Хотя сегодня на нём, конечно, не было никакой шляпы. Обычные брюки, светлая рубашка и тёмно-зелёный свитер — всё чистое, но неновое. И ярко-рыжие волосы — как костёр на голове...

Господи, хоть бы не Антон.

— Это Лев Игоревич, с сентября заменит Галю Новицкую. А это Алёна Леонидовна — наш учитель литературы и русского языка.

Спасибо. Не Антон.

На лице Шляпника на секунду проступило замешатель-

ство, но потом он чуть улыбнулся и кивнул:

— Приятно познакомиться.

Я тоже кивнула. Интересно, он всегда такой невозмутимый? Бьюсь об заклад, к сентябрю, пожив под нами, заработает себе как минимум нервный тик.

— Взаимно. Моих-то Льву Игоревичу отдадут? Или...

— Решим, — чуть усмехнулась Шустрова, — но попозже. Ближе к сентябрю.

Ну да, логично.

Они продолжили разговаривать, а я вернулась к себе. Пока есть время, надо написать Фреду и Джорджу, а то ещё подумают, что я про них забыла.

Но: подумают — это полбеды. Куда хуже, когда они решают мне о себе напомнить.

К середине дня школа гудела, напоминая взбудораженный пчелиный улей. Учащимся и преподавателям было что обсудить — во-первых, о беременности Новицкой знали только я, завуч и директор (теперь ещё Клочков), и многие ликовали, думая, что это Ольга Петровна решила наконец уйти на пенсию. Наивные.

Во-вторых, мужчин среди учителей было не так много: трудовик Евгений Карпович Лютов — совершенно не оправдывающий свою фамилию тихий шестидесятилетний мужичок, стабильно два раза в год уходящий в запой — на Новый год и в майские праздники; физрук Андрей Викторович Ро-

гов — проработал в нашей школе двадцать лет и был пер-
соной давно изученной и неинтересной, несмотря на свой
ещё достаточно «молодой» возраст в сорок пять лет, и, на-
конец, физикохимик Владимир Петрович Боровой, или просто
Петрович, — прокуренный до круглогодичного желтоватого
загара дедок, изо рта которого пахло всей таблицей Менде-
леева и прочей органической химией.

В общем, совершенно не интересные персонажи, коим
давно были перемыты абсолютно все косточки. Запойный
Лютов, гуляющий от жены Рогов — благо не со школьница-
ми — и война Ольги Петровны с Петровичем, которого она
по неизвестным причинам терпеть не могла, — всё это было
обыденно и скучно. То ли дело новый учитель! Молодой, лет
тридцать пять, симпатичный. Интересно, женат ли он? Дети
есть? И что он у нас забыл?

Нет-нет, это мне совершенно неинтересно, я просто пере-
сказываю, о чём весь день говорили повсюду — в учитель-
ской, в кабинетах, в коридорах. Сама я в разговорах не участ-
вовала, с грустью думая о том, что, если мои черты решат
испортить Льву Игоревичу жизнь, я не скроюсь от него даже
на рабочем месте.

А в том, что они решат, я была уверена. Слишком хорошо
я знала своих мальчишек.

Полпятого я забрала Фреда и Джорджа с продлёнки и от-
правилась с ними домой. Близнецы, естественно, Шляпни-
ка в школе не видели, поэтому не проявили к будоражащим

школу слухам никакого внимания. Их больше интересовали... как там... гироскутеры.

— А мы выбрали модель!

— Которая нам нравится!

— Смотри, мам!

И тычат мобильниками.

— Я счастлива.

— Ну, мам! Ну посмотри-и-и!

— Какой классный, да?

Я хмыкнула.

— Ничего особенного. Два кольца, два конца, а посередине гвоздик.

Фред и Джордж громко и искренне возмутились:

— Какой гвоздик?

— Нет гвоздика!

— Ни одного гвоздика нет!

— И не кольца, а колёса!

Этим они в Антона пошли. Когда речь шла о чём-то важном для него, у Антона напрочь отказывало врождённое чувство юмора.

Кстати о чувстве юмора. Любопытно, у нашего нового соседа оно есть? Терпения, спокойствия — завались, а как с чувством юмора?

Вышеупомянутый сосед между тем появился на горизонте. Не замечая опасности, стоял посреди дорожки к дому, а его ретривер нюхал одуванчик, чтобы впоследствии на него

пописать.

Близнецы на секунду замерли, а затем расплылись в лукавых улыбках. И прежде, чем я успела на них среагировать, одновременно закричали:

— Здравствуйте!!

Плечи у Шляпника чуть вздрогнули. Теперь он, кстати, действительно был Шляпником — на голове красовалась та самая полуковбойская шляпа.

Обернулся, оглядел близнецов, потом меня. Улыбнулся вполне мирно.

— Добрый день.

Пёс его перестал поливать одуванчик, на секунду застыл, словно раздумывая, а после понёсся прямо на нас, радостно размахивая ушами.

— Ух ты-ы-ы!

— Какой кла-а-ассный!

— А как его зовут?!

Большинство матерей, видя бегущих к их детям псин, впадают в панику. Я больше волновалась в обратном случае — если к псынам бежали мои черти. Отогнать от себя собаку я вполне способна, а вот отогнать от собаки своих детей... Это более сложная задача.

— Рем, — ответил Шляпник, одёргивая поводок, но это уже было ни к чему — Фред с Джорджем сами поспешили навстречу псу. Присели рядом, начали гладить, подняли головы и сказали почти одновременно:

— Фред!

— Джордж!

— Как-как? — на лице Шляпника отразилась растерянность.

Вообще он точно слышал эти имена, когда заходил к нам с уточкой. Но, видимо, забыл или не придавал значения.

Между тем мои бандиты уже потеряли к мужчине интерес — они увлечённо тискали ретривера. Тот застыл, терпя тисканье и снисходительно помахивая хвостом.

— Их так зовут, — я подошла ближе, внимательно следя за действиями ребят. Как бы не придушили собаку от восторга. — Ну, почти. Федя и Дима, а Фред и Джордж — прозвища. Читали?

Я думала, он спросит: «Что?» — всё-таки учитель математики. Но Шляпник просто кивнул и спросил с лёгкой улыбкой:

— Значит, ваша фамилия Уизли?

Отлично! У него есть чувство юмора.

— Если бы мы были волшебниками, наверное, такая и была бы. Но мы не волшебники, поэтому Пронины. А вы? Марина Владимировна не называла вашу фамилию, когда представляла.

И тут мои черти вновь подняли головы.

— Марина Владимировна-а-а-а? — протянули синхронно, услышав имя родного завуча. Сами-то они её видели всего пару раз, но я рассказывала о Шустровой достаточно, что-

бы близнецы сразу идентифицировали знакомое имя.

Шляпник посмотрел на моих мальчишек и ответил не мне, а им:

— Верно. Мама не говорила, что я с сентября буду работать в вашей школе?

И сразу — два укоризненных взгляда.

— Я просто не успела, — пожалала плечами. — Кто мне гидроскутеры сразу стал впаривать?

— Мама!

— Не гидро, а гиро!

— Да хоть гетеро, — выпалила я и сама засмеялась, представив себе такой «гетероскутер». — Всё равно не видать вам их.

— Ну ма-а-ам! — заныли дети, и Рем, видимо, впечатлившись их воем, лизнул в щёку сначала Фреда, потом Джорджа.

— Вот видишь! — тут же заявили мои черти. — Даже он нас жалеет! А ты — нет!

Ох, меня бы кто пожалел.

Шляпник молча посмеивался, и я решила, что пора прекращать этот цирк.

— Всё, хватит. Встали и потопали домой. Мне ещё сочинения восьмого класса проверять.

Близнецы тут же вскочили, как образцово-показательные дети. Явно «гидроскутеры» отрабатывают.

— Идём, мама!

— Да-да, мы уже это... одна нога там!

И убежали.

Я усмехнулась. Воспитывать их ещё и воспитывать... Как собаку зовут, спросили. А как зовут соседа — нет.

А зачем, правда?

— Извините, Лев Игоревич, — сказала я вежливо и, наклонившись, потрепала Рема по холке. Пёс сразу приветливо завил хвостом. — Сорванцы они у меня.

— Я понял. — Мужчина кивнул и прикоснулся ладонью к шляпе, прощаясь. И я уже собиралась уходить, когда он произнёс: — Вы спрашивали мою фамилию. Я Рыжов.

Судя по его чуть лукавому взгляду, он прекрасно понимал, каких усилий мне стоило не засмеяться.

— Спасибо. Я... учту.

Когда я вошла в квартиру, мои охламоны уже мыли руки, а мама копошилась на кухне — готовила ужин.

Я подошла к ванной и грозно спросила, сведя брови и сложив руки на груди:

— У собаки имя вы спросили, а хозяина забыли? Или это вам, чудесным, ну совсем неинтересно?

Фред и Джордж разом замерли, потом переглянулись — Фред лукаво улыбнулся, а Джордж пропел:

— Ничего мы не забыли, просто... м-м-м... просто мозгом мы поплыли!

У меня задрожали губы.

— Чтобы так всё объяснить, нужно очень наглым быть,

— я погрозила своим чертятам пальцем. — Исправляйтесь! Иначе какой вам гидроскутер, если вы не можете быть элементарно вежливыми.

Близнецы надулись.

— Гиро... И не в рифму...

— Да уж хватит с вас стишков. Вытирайте руки и пойдём ужинать.

Я собиралась уходить, когда Фред и Джордж хором протянули:

— Так, ма-а-а-м...

Я думала, они скажут: «Так ты купишь нам скутер?» — но мои бандиты, повесив головы, аки божие агнцы, пробурчали:

— Так как зовут хозяина Рема, мам?

Вот ведь. Не «нашего нового соседа» или даже «этого рыжего мужика», а «хозяина Рема».

— А это вы сами должны выяснить, — сказала я почти мстительно. — И тогда я подумаю про ваш гетероскутер.

— Гиро... ой.

— Правда подумаешь?!

— Да?!

И столько счастья в глазах.

— Подумаю. Но подумаю — не равно куплю. Просто... подумаю.

— Москва тоже не сразу строилась! — заявили мои черти и побежали на кухню.

Москва... Ох, чует моё сердце, станут эти скутеры наши-

ми с мамой гробами на колёсиках.

Лучше бы Фред и Джордж попросили у меня хомячка, как тогда, на пятилетие. Я согласна даже на двух. Заодно и Фиме развлечение...

После ужина я сразу засела за проверку сочинений, но дело двигалось медленно — накрыло воспоминаниями. У меня это бывает иногда. И хорошо, если воспоминания связаны с чем-то приятным, а не с самым первым годом жизни близнецов. Счастье от подаренной жизни было омрачено пережитой смертью. Но нет, сегодня я не стану об этом думать.

Я вспоминала, как в нашей семье появился Фима. Фред и Джордж тогда только пошли в первый класс. Осень была золотая, тёплая, и мама после уроков выпускала их погулять во двор, сама периодически поглядывая в окно. Отвлеклась буквально на минуточку и вздрогнула, когда близнецы оказались рядом, со святыми лицами прося «попить и покушать».

Мама умудрилась тогда ничего не заподозрить, и только я почуяла неладное, вернувшись с работы и узнав, что просят Фред и Джордж не что-нибудь, а молоко. Мои черти, конечно, его пили, но чтобы самим просить?! Это же не сок и не газировка.

Странный запах в комнате детей я ощутила сразу. Близнецы старательно делали вид, что не понимают, о чём я их спрашиваю, хотя я была прямолинейна, возопив: «Кого вы

домой притащили?!»

Искомое обнаружилось в шкафу. Пушистый, но грязноватый рыжий кот сидел рядом с коробкой из-под моих туфель, заполненной песком с детской площадки, и с грустью смотрел на блюдечко с почти допитым молоком. В шкафу не слишком приятно пахло кошачьей мочой и какашками. Благо зарытыми в песок.

— Он чуть под машину не попал... — шепнул Фред.

— Мы его спасли, мам... — закивал Джордж.

Я закатила глаза. Спасатели Малибу!

— Значит, так, — сказала я грозно, — я разрешу его оставить только с одним условием. Поклянитесь, что больше никогда и никого с улицы не принесёте, даже если этот кто-то чуть не попадёт под машину!

Они поклялись. Я думала: не сдержат слово и когда-нибудь притащат мне ещё какого-нибудь щенка или котёнка. Но Фред и Джордж закончили спасательную миссию на Фиме.

Кстати, Фима — это сокращение. Полное имя нашего найдёныша — Фемистокл.

В тот день по телевизору как раз показывали фильм про Древнюю Грецию...

Глава 3

Со Шляпником мы столкнулись утром следующего дня возле входа в подъезд. Он шёл домой после прогулки с Ремом, мы же с мальчишками направлялись в школу.

Увидев нас, Лев Игоревич приподнял шляпу, его собаки завиял хвостом, а Фред и Джордж хором завопили:

— Простите, а как вас зовут?!

У меня аж в ушах зазвенело. Судя по тому, как дёрнул головой Рем, — у него тоже.

Шляпник остался невозмутим, аки апельсин на тарелке, только шляпа в его руке чуть дрогнула. Наверное, от звуковой волны.

— Лев Игоревич меня зовут.

Мои ребята посветлели лицами. Точно шалость придумали...

— Ого! Лев!

— Круто!

— Как царь зверей!

Ох, не нравится мне это...

— У царей зверей нет отчеств, — сказала я строго. — Доброе утро, Лев Игоревич.

Шляпник кивнул и вновь обратился к моим оболтусам:

— А вас как-то различить можно, парни? Сколько смотрю — не вижу отличий.

«Парни» ещё сильнее посветлели лицами. Как же они любят, когда их не могут различить! Даже бабушка иногда путается, что уж говорить о новых соседях по дому.

— Никак!

— Ни за что!

— Никогда!

— Ни...

— Ни-ни, — я дала своим чертятам лёгкие поджопники.
— Пойдём, а то в школу опоздаем. Тогда вам точно не видать гароскутеров.

— Гиро...

— И их тоже.

Мы потопали дальше, а Шляпник и Рем проводили нас задумчивыми взглядами. Наверное, пытались научиться различать Фреда и Джорджа.

Зря. На моей памяти это получилось только у Юли Бессоновой. Наверное, ещё и по этой причине мои бандиты были так отчаянно влюблены в свою одноклассницу.

Как-то так выходило, что несколько последующих дней — до утра субботы — мы Шляпника не видели. Ну, почти. Пару раз по утрам я наблюдала его вдалеке, идущим вниз по улице в своей неизменной шляпе, и гадала, как скоро Фред и Джордж решат испытать нового соседа на прочность. Они ведь подобные «испытания» всем нашим соседям снизу устраивали. Как поняли, насколько это интересно и увле-

кательно, так и начали. Пару раз даже доблестная полиция приезжала...

В общем, квартиру под нами продавали дважды, то есть Лев Игоревич был уже третьим нашим соседом-бедолагой. И ему колоссально повезло, что близнецы оказались сосредоточены на своих скутерах и думать забыли про безумные шалости и приключения. Попой чуяли, как это важно — включить в себе ангелов небесных. И светили мне нимбами на всю катушку. Подлизывались, ласкались, посуду за собой мыли, игрушки убирали, ходили строем и по струночке... Мама вечером в четверг даже сказала:

— Может, тебе включить режим бесконечных обещаний, Алён? Глядишь, наши бандиты хотя бы до сентября будут чисты и невинны.

Идея мне понравилась, но, к сожалению, я слишком хорошо понимала, что она не сработает. И, если Фред и Джордж не получат свои скутеры до конца мая, на корабле начнётся бунт, и мало никому не покажется.

Поэтому вечером в пятницу я заявила мальчишкам:

— Если продержитесь до первого июня в режиме «Федя и Дима», а не «Фред и Джордж», так и быть, куплю вам скутеры. Не продержитесь — пеняйте на себя!

Ох, видели бы вы их лица! На них в буквальном смысле цветы распустились. И глаза засияли — не глаза, а фонари.

А в субботу утром, направляясь за покупками, мы наконец встретили Шляпника. Почему «наконец»? Мне на самом

деле было интересно, как он поживает.

— Доброе утро, Лев Игоревич! — сказали хором мои черти. — Здравствуй, Рем!

Пёс завилял хвостом, а сосед кивнул.

— Доброе, ребята. — Посмотрел на меня и легко улыбнулся. — Доброе, Алёна Леонидовна. Хорошая погода сегодня, и завтра тоже обещают неплохую. Пойдёте с нами гулять?

Я немного растерялась.

— Простите, но я...

— Мама в выходные рано вставать не любит! — сдал меня Фред. — А мы можем. Мы пойдём!

— Без меня не пойдёте.

— Ну ма-а-ам...

— Нет, — отрезала я и, схватив своих оболтусов за шкирки, потащила дальше по улице. — Извините, Лев Игоревич. Как-нибудь в другой раз!

— Ничего страшного, — ответил он, так же спокойно улыбаясь.

Кажется, он не особенно расстроился. А вот балбесы мои надулись и явно начали рассматривать варианты страшной мести злобной маман.

— А мы сегодня с утра смотрели передачу...

— Да, передачу!

— Про темпераменты...

Я насторожилась. Последняя такая передача была про

какое-то племя, рисующее на теле всяческие знаки хной. Для усиления... то ли чакр, то ли магических способностей. Фред и Джордж решили проверить, правда ли от этих значков чакры усиливаются, и разрисовали друг друга. Только не хной — маркерами.

Не знаю, как насчёт их чакр, а мои от отмывания этих значков ещё больше сдулись.

— Ну, и что эта передача про темпераменты?

— Там про холериков, сангваников...

— Сангвиников.

— Ага! Меланхоликов и флематиков!

— Флегматиков.

— Да-да! Мы — сангвиники или холерики?

Я на секунду задумалась.

— Сангвиники, наверное. Но вы, мои дорогие, ещё дети, у вас всё может поменяться.

— А ты — меланхолик! — хором возвестили Фред и Джордж. Они явно решили поставить мне диагноз.

— В точку.

— А Лев Игоревич — флегматик!

— Хм... Возможно.

— И это неправильно!

Я нахмурилась.

— Неправильно?..

— Да-а-а! Он же Лев!

— Ле-е-е-ев!

— Лев! Ле-е-ев!

— Да поняла я, что Лев! При чём здесь это?

Близнецы на мгновение заткнулись, набирая воздуха в грудь. А потом гаркнули хором:

— Лев должен быть холериком!

Ой-ёй...

— Ребята... это просто имя.

— Не-ет!

— Ты не понимаешь!

— Просто имён не бывает!

— И если ты Лев, значит, ты — ЛЕВ!

— А львы р-р-рычат!

— Он просто тихий лев.

— Это не лев! — заключили мои ребята. И я решила больше ничего не говорить, дабы не подзуживать.

Кажется, Фред и Джордж решили попробовать разбудить во Льве льва. Ха.

Даже интересно, что у них получится...

Нет, я знаю, что не должна так думать. Но ведь... интересно же!

Вечером за ужином я пересказала этот диалог маме и возмущённо подавилась пельменем, услышав:

— И как это вы, волшебники, собираетесь быть Федей и Димой до первого июня, если внизу живёт такой вызов в виде нерычащего льва?

— Мама... — протянула я укоризненно, не одобряя подобных дразнилок.

Фред и Джордж опустили очи долу и протянули:

— Мы очень хотим гироску-у-утеры...

— Чувствую, после первого июня нашему соседу будет весело, — засмеялась родительница. А я, наколов на вилку ещё один пельмень, заключила:

— Теперь мне понятно, ребята, в кого вы такие шkodята. В бабулю!

«Бабуля» захихикала, Фред с Джорджем расплылись в улыбках, а я продолжила для очистки собственной совести — не верила, что от моих слов будет хоть какой-то толк:

— Только без фанатизма, пожалуйста. Вы же не хотите попасть в тюрьму для малолетних преступников?

Мои охламоны помотали головами.

— Не волнуйся, мам!

— Всё будет хорошо!

Вот этого я и боюсь. «Хорошо» моим чертям обычно, когда остальным как минимум «не очень хорошо», а то и вовсе «плохо».

Предупредить Льва, может? Ну не, так неинтересно.

Тьфу на тебя, Алёна! Сама такая же, а на бабулю бочку катишь...

.

На самом деле жаль, что Фреда и Джорджа нельзя чем-нибудь постоянно шантажировать — благодаря их желанию

получить гироскутеры месяц у меня был более чем спокойный. Мальчишки вели себя практически идеально, мне даже скучно иногда становилось.

Впрочем, если бы у меня ещё и дома был кошмар кошмарович, я бы, наверное, не выдержала. Май в школе — месяц горячий, и десятиклассники дали мне жару перед последним годом.

Сначала был выпускной у моих чертей, на котором они дулись от гордости, словно рыбы-меч, глядя на свои пятёрки, а Нина Васильевна, их классный руководитель, светилась от облегчения, что её «волшебная» рыжая каторга наконец переходит в среднюю школу.

Кстати, коньяк я ей всё-таки поставила. На что получила вздох и философское:

— Да, Алёна... Мне коньяк за четыре года, а тебе что надо поставить за десять-то лет?

Я фыркнула.

— Вариант только один. Тот самый, к которому «не за­растёт народная тропа».

Мы похихикали, но на самом деле — было бы смешно, если бы не было немножко грустно.

В том числе — оттого, что май заканчивается, и мне во­лей-неволей пришлось заказывать в интернет-магазине эти их скутеры. Доставка была запланирована на 1-е июня. Символично, правда? День защиты детей, а я своими руками даю им возможность самоубиться, катаясь на этих адских

машинках.

И почему их велики не устраивают? Хотя... они и с великов много раз летали дурными головами вперёд. Хорошо, что головы эти Фред и Джордж исправно одевают в шлемы.

В общем, Нина Васильевна радовалась окончанию ими четвёртого класса, охламоны мои приплясывали от гордости и предвкушения, а я... Я просто была в ужасе.

Лето — самый сложный период. Во время учебного года мальчишки по полдня в школе, а летом... Хана спокойной жизни.

Хотя я уже давно забыла, что это такое — спокойная жизнь. Она мне только снилась.

Накануне 1-го июня «выпускной» был уже у моих десятиклассников. Они захотели устроить себе маленький праздник — застолье в классе и дискотеку вечером. Директор разрешила, попросив меня и ещё нескольких учителей проследить, чтобы музыка не грохотала из окон и вообще, как она выразилась, всё было «тише воды ниже травы».

Примерно так и было. В классе мы устроили застолье, а в актовом зале проходила дискотека «для своих». То бишь для двух десятых классов. Мой десятый «Б» практически в полном составе сначала поглотал бутерброды с салатами, а потом побежал на этаж выше, в актовый зал — танцевать.

— И зачем торты покупали? — бурчала я, глядя, как Галя Новицкая сосредоточенно нарезает «Медовик» и «Пти-

чьё молоко» на аккуратные квадратики. Математик. Я всегда всё рублю в капусту. — Их больше танцы интересуют.

— Ничего. Сейчас напляшутся и прибегут. Всё слопается, не переживай. Ну а если нет, ты Фреду с Джорджем отнесёшь.

Я криво улынулась. «Фреду с Джорджем отнесёшь» — эту присказку я слышала постоянно по отношению ко всему подряд.

Мы с ребятами договаривались, что танцы-шманцы будут до девяти вечера, поэтому без десяти девять я поднялась в зал — сообщить, что концерт окончен.

На лестнице столкнулась с Ключковым, который сломя голову нёсся вниз.

— Федя! — крикнула я ему вслед. — Ты куда? Все вместе убираемся в классе, потом все вместе идём домой.

Он остановился, будто я перед ним бетонную стену выстроила. Лицо было странным — бледным и каким-то смятенным.

— Алёна Леонидовна, — сказал, блестя глазами так, словно собирался заплакать, — а почему вы так и не вышли замуж?

Я моргнула. Да-а-а, явно что-то случилось, и, кажется, я даже знаю что.

Наташа Иванова, наша главная отличница, взаимностью Феде с первого класса не отвечала. Ей нравился кое-кто другой...

— Я никого не встретила. Так бывает. Но совсем не обязательно, что так же будет и у тебя.

— Значит, — Федя отвёл взгляд, — может быть так, что любовь одна и на всю жизнь?

Чувствую, дискотека сегодня слегка задержится...

Я спустилась ниже и, взяв Ключкова под локоть, села вместе с ним на широкий подоконник между лестничными пролётами. Вообще мы запрещали ученикам там сидеть, чтобы попы не мёрзли, но... ладно уж.

— Может быть, — проговорила я спокойно. — Всё может быть, Федя. Одна любовь, много любовей, или ни одной. Но решается это не в семнадцать лет, а гораздо, гораздо позже. И я, хоть я тебя старше, не могу сказать, что больше никогда и ни за что... Возможно, ещё кого-нибудь встречу. Просто пока не случилось, но кто знает.

Да... иногда ученикам приходится врать.

Кого я могу встретить? Нужна я кому со своими бандитами...

Да и... я никого не хотела видеть рядом с собой, кроме Антона, но он ушёл туда, откуда не возвращаются.

— Просто сейчас кажется, что больше ничего не будет, — буркнул Ключков, отворачиваясь — смущался. — Так... больно.

— Это потому что впервые. Самая сильная боль — первая.

Федя помолчал немного, посопел. Совсем ещё юный, по-

что мальчишка... Неужели я тоже когда-то такой была?

— А вам, Алёна Леонидовна... очень было больно? — спросил тихо, с опаской, будто боялся услышать ответ.

Я усмехнулась и встала с подоконника. Пора всё-таки наведаться в актовый зал.

— Понимаешь, Федя... На самом деле то, что ты чувствуешь, пока человек жив, — это одно, а когда он умирает — совсем другое. Тогда многие вещи видятся иначе, и всё готов отдать, лишь бы этот человек был жив. Больно — это слишком слабое слово. Это я тебе как учитель русского языка и литературы говорю.

— А какое слово тогда? — спросил Клочков и тоже встал. Кажется, ему стало легче.

Я покачала головой и через силу улыбнулась.

— Никакое, Федя. Не существует таких слов.

«И дай бог тебе никогда не узнать об этом».

Май — мой любимый месяц в году. Особенно я люблю майские вечера — прохладные, свежие, бодрящие, они дарят силу и способность жить дальше.

Раздав своих ребят родителям, я поспешила домой, и только у подъезда помедлила. Пятнадцать минут... посижу на качелях, подумаю. Мама не писала, значит, Фред и Джордж до сих пор не сотворили ничего непоправимого.

А мне нужно вздохнуть.

Качели чуть скрипнули под моим весом. Да... качаться не

получится, а то весь дом на уши поставлю. Ну и ладно.

«Не существует таких слов»... На самом деле человечество не придумало слов для многих понятий. Формально такие слова есть, но, когда сталкиваешься с чем-то особенным в жизни, понимаешь — нет, не то... Не вмещают. Чувства намного больше слов.

Даже «любовь»... Это слишком мелкое и пошлое слово для того, чтобы охарактеризовать то, что я испытывала — и испытываю — к своему мужу.

Если бы мне предложили выбрать слово... Пожалуй, я бы, как Снежная королева для Кая, выбрала слово «вечность».

А дома прямо у входной двери меня ждали мои рыжие кошмары.

— Почти первое июня, — заявили хором, пока я надевала тапочки.

— Ключевое слово — почти, — фыркнула я. — А почти — не считается.

Фред и Джордж подумали... и опять же хором заявили:

— Мы запомним!

— Что запомните?

— Что «почти — не считается».

— Так вот кто их плохому учит, — мама с лукавой улыбкой выглянула из кухни. — Алёна, будешь чай?

Я кивнула и, подхватив своих мальчишек под локти, сказала:

— Пошли, бандиты.

— Мы не бандиты! — опять хором. Такая удивительная синхронность — не к добру.

— Ага, вы благородные пираты, я помню.

— Не-а, — Фред.

— Ты же слышала, как сказала сегодня про нас Нина Васильевна? — Джордж.

— Очень талантливые дети! — Фред.

— Все в мать! — А это уже хором.

Да-а-а. Стебанула. Но Нине Васильевне простительно — в конце концов, она четыре года терпела летающие по классу самолётики, завёрнутых в тряпки для вытирания доски резиновых пауков и — венец творения Фреда и Джорджа — самолично собранный по инструкции из журнала скелетик в углу кабинета. Ух, как визжали девчонки! Конечно, все, кроме Юли Бессоновой.

— Согласна! Все в мать! — хихикнула с кухни бабушка.

Кошмар. Кругом одни предатели!

.

Утром я проснулась сначала от звонка в дверь — услышав его, накрылась одеялом с головой, понимая, что там и без меня найдутся желающие впустить курьера в квартиру, — и после даже успела чуть задремать... Пока почти рядом с моим ухом не раздалось громкое и восторженное:

— МАМАСПАСИБО-О-О-О-О!!!

Да-да, именно так, в одно слово. Прямо как «здравияже-

лаютоварищминистробороны» во время парада на 9 Мая.

Только вот эти крики по телевизору — одно, а когда рядом — совершенно другое. И я чуть не взлетела под потолок от неожиданности, хватаясь за заколотившееся сердце.

Черти!

Черти стояли рядом с кроватью, и под ногами у обоих были их скутеры. И вид они — бандиты мои, конечно, а не скутеры — имели самый пресчастливый.

— И незачем было так орать, — сказала я голосом Кролика из мультика про Винни-Пуха. — Я не глухая. И вообще я ещё сплю.

— Уже девять! — возмутился Фред, а Джордж добавил:

— Пятнадцать минут десятого!

Можно подумать, это аргумент.

— Ну и ладно. Мать, в смысле я, вчера закончила учебный год и имеет право поспать. Тем более что собаки у нас нет.

Мальчишки расплылись в одинаковых шкодных улыбках.

— Думать забудьте! — отрезала я, плюхаясь обратно на постель. — Никаких собак. Даже за все пятёрки в году и золотые медали по итогам учёбы в школе. Ни за что!

— Почему-у-у? — провыли близнецы, садясь рядом. Фред тут же начал щекотать мне живот, а Джордж — пятку.

— Ай! Хы-ы-ы... перестаньте! Да потому что у меня уже вы есть, зачем мне ещё и собака?

— Собака нам!

Я фыркнула и, поняв, что от меня не отстанут, села на

постели.

Фред и Джордж сразу приняли позы смиренных овечек — сложили руки на коленях и сделали святые лица. Особенно святыми были глаза, конечно, — не глаза, а практически два нимба посреди лица.

— Нет, бандиты, собака будет мне. Мне она не нужна, поэтому её здесь не появится.

— Почему тебе? — надулись мальчишки. — Мы сами будем с ней играть!

— Для того чтобы играть, у вас есть Рем, — отрезала я. — И Лисичка с первого этажа, и Байкер с третьего, и Мотя с четвёртого, и...

— Ну ма-а-ам!

— Нет, — я нахмурилась и ушла в глухую оборону. — Никакой собаки! Только через мой труп.

Ребята вздохнули. Они уже давно уяснили: когда я говорю «только через мой труп» — не шучу, и спорить или пытаться что-то доказать бесполезно.

— Ла-а-адно...

— А мы пойдём сегодня кататься?

Вот это уже более конструктивный диалог, приветствую.

— С погодой что?

— Солнышко!

— Значит, пойдём, — кивнула я. — Только в шлемах, наколенниках и налокотниках.

И вновь раздался дикий крик:

— УРА-А-А-А-А-А!

Нет, я сегодня точно оглохну.

Погода действительно была прекрасная, уже почти июльская — яркое и жаркое солнце, густая зелёная листва... и куча народу в парке. Выходной же!

Я слегка похолодела, представив, что скоро начнётся мой нелюбимый период — когда Фред и Джордж уже на каникулах, а я ещё не в отпуске. И я собственноручно купила им скутеры! Ненормальная.

Мы с мамой с тревогой следили за тем, как близнецы рассекают по дорожкам на своих чудах техники, и лица у них при этом были донельзя счастливые. А меня аж прям трясло. Хоть бы не грохнулись и не сломали себе что-нибудь!

— Посмотри на это с другой стороны, — сказала мама и так нервно куснула мороженое, что от него отвалился огромный кусок и шлёпнулся на асфальт. — Чёрт...

— С какой ещё стороны?

— Ну... если что, отнимешь у них эти скутеры. А если ещё и переломы будут, то с месяц лежать придётся, не шкودить.

— Ага, конечно. Наши бандиты найдут, где нашкодить, и в положении лёжа.

Мама фыркнула.

— Алён... я поговорить с тобой хотела.

Я насторожилась. Подобный тон был мне хорошо известен. Он назывался «свахин».

— Мы тут общались с Катей Муромцевой... Я с ней в институте училась, хорошая девочка...

Девочка предпенсионного возраста, ага.

— Она нас в гости приглашает через неделю. Нас с тобой. Я с Олей Вяземской договорилась, она с близнецами посидит.

Оля Вяземская — соседка с пятого этажа, — конечно, святой человек, много раз меня выручала, если мы с мамой обе были заняты. Но это же не значит, что ею следует пользоваться в таких вот, мягко говоря, неблагородных целях.

— И кто у этой Кати в женихах? Сын, племянник, внук, любовник?

— Алёна...

— Мама! Твои намёки чересчур прозрачны. Хочет мама дочь женить на удалом молодце, чтобы к свадьбе склонить, в гости тащит к холосту!

— Алёна, не женить, а замуж вы...

— Не влезет сюда по размеру. Это художественное допущение. Не придирайся. Не пойду ни к кому!

— Алён, там хороший мальчик. Племянник, сорок пять лет, не женат.

— Вот не женат в сорок пять лет — это подозрительно.

— Алёна!

— А что? Все приличные люди к сорока годам успевают выйти замуж или жениться, некоторые даже несколько раз. А он чего? Тю, значит.

— Да был он женат! Развёлся.

— Вот! А это ещё подозрительнее.

— Алёна...

— Все приличные люди живут в одном браке и не разводятся. Так что — ну на фиг!

— Ты же прекрасно понимаешь, что вариантов тут немного. — Мама смотрела на меня с искренней укоризной. Нет, как будто я в чём-то виновата! — Либо не был женат, либо в разводе.

Сердце кольнуло болью, и я поморщилась.

— Есть ещё один вариант, мам.

Она вздохнула.

— Алён, это редкость.

— Ага, вот такая я редкая и исключительная, да. Давай не будем об этом, мам? Говорили ведь уже тысячу раз. Или миллион. Или миллиард.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— А я счастлива.

Судя по маминым глазам, она мне не верила. Не удивительно, я бы тоже сама себе не поверила.

— И вообще... Так!!! Фред, Джордж!!! Стоять!!!

Твою дивизию! Договаривались ведь — к той дорожке не подъезжать и с неё не кататься! Ну склон же, разгонятся и улетят! Так нет — надо им было туда сунуться, да ещё и одновременно пойти на спуск!

Как они мне однажды сказали: «Вместе не так страшно и

даже интересно». Черти!

И вот чем мама думает? Какой мужик будет счастлив, получив в качестве приданого не деньги или квартиру, а двух шkodных мальчишек, которые станут сводить его с ума каждую минуту? Да он сбежит от меня быстрее, чем я успею сварить ему борщ!

Я наконец домчалась до начала склона и посмотрела вниз. Фред и Джордж, целые и невредимые, стояли у подножия и хлопали друг другу в ладоши.

Шалость удалась, короче.

А на обратном пути мы встретили Шляпника. Он тоже шёл домой со своей собакой и, увидев нас, улыбнулся и приподнял шляпу:

— Добрый день, Алёна Леонидовна, Ксения Михайловна. Фред, Джордж, я смотрю, у вас обновки?

Мальчишки радостно закивали:

— Да-а-а, Лев Игоревич! Крутые, правда?!

— Не то слово.

Точно, согласна. Как учитель русского языка — абсолютно согласна. Крутые — не то слово!

— А вы уже домой?! Жалко, вы не видели, как мы катались!

— Вам мало нас с бабушкой, доведённых до состояния бледнолицых? — фыркнула я, кивая Шляпнику. — Здравствуйте, Лев Игоревич. Как видите, теперь у каждого из мо-

их ребят стало больше на одну ногу.

Он улыбнулся, и мне на полсекунды стало тошно. И всё-таки этот человек напоминает мне Антона... Не только жестом, но и чем-то ещё, почти неуловимым...

Впрочем, возможно, это мне только кажется. В конце концов, я так давно не видела своего мужа.

Шляпник продолжил путь вместе с нами, причём мы втроём почти всё время молчали, говорили Фред с Джорджем. В лице Льва Игоревича они явно нашли благодарные новые уши и дули в них во всю мощь. Фред дул слева, Джордж справа, и Шляпник посекундно вертел головой, стараясь не пропускать ни слова ни там, ни там. Похвальное стремление, но потом у него будет болеть шея... и уши, конечно, тоже будут болеть.

Рассказывали мои бандиты в основном про то, какие бывают скутеры. Не знаю, где они этого нахватались и когда успели — вероятно, смотрели в интернете на переменах в школе какие-нибудь обзоры. Мне они пару раз тоже пытались вдуть в уши всю эту информацию, но она надолго там не задержалась. Всё, что касается техники — неважно какой, — не моё. Да и вообще — какая разница, чем отличается одна модель скутера от другой? Главное — чтобы мои дети падали с них как можно меньше, а лучше и вовсе не падали.

А возле подъезда нашего дома Шляпник, извинившись, вместе с Ремом пошёл в сторону одной из стоящих вдоль улицы машин. Мигнули фары, и оттуда вылезла... шикар-

ная женщина. Фигуристая блондинка в красном сарафане. Обворожительно улыбнулась Шляпнику, приобняла, легонько чмокнув в щёку, потрепала по башке восторженно скачущего возле неё Рема — и парочка направилась к подъезду, оживлённо что-то обсуждая. Я хотела прислушаться — да, да, нехорошо, но интересно ведь! — однако мне не дали.

— Ух ты, какая!

— Прямо Банни!

Я удивлённо посмотрела на близнецов, а мама уже переспрашивала:

— Банни? Багз Банни?

— Не-е-ет! — Фред и Джордж помотали головами. — Лолла Банни! Она почти как Багз, только девочка.

Банни, значит... Да уж, мультики про кролика моим бандитами были известны, а вот сага про Сейлор Мун, которая тоже Банни, — нет.

Я посмотрела вслед блондинке в красном и подумала, что мальчишки правы — она действительно больше похожа на Лолу Банни, чем на девочку с хвостиками и большими глазами из аниме.

Что ж, это объяснимо. Шляпник просто обязан иметь в арсенале парочку кроликов. Точнее, крольчих.

— Эх, жаль, — пробормотала мама. — А я надеялась, что у него никого нет.

Я хмыкнула. Мама в своём репертуаре.

— Зачем же ты желаешь зла такому хорошему Льву Иго-

ревичу, мам?

— Почему зла-то? Ты... ой-ёй!

В этот момент Фреду и Джорджу стало скучно, и они решили синхронно встать на скутерах на руки, а ноги попытались развести в разные стороны — ну, как шпагат. Естественно, тут же грохнулись. Синхронно, как положено.

Так что «ой-ёй» было самым приличным, что мы с мамой могли сказать.

— Вот видишь! А говоришь «почему зла»!

Через минуту ущерб в виде отбитых задниц был посчитан, оценен на два балла из десяти возможных — повезло! — и мы отправились домой обедать.

3.2

Я думала, на сегодня показательные выступления закончены, но оказалось, что Фред и Джордж, возбуждённые новыми скутерами и заскучавшие от роли Феди и Димы за последний месяц, решили натворить кое-что ещё.

Так, мелочь, но я была крайне удивлена, когда, заглянув в комнату близнецов во время обеда, обнаружила два стула напротив друг друга, связанные красными нитками. Почти как две мухи, угодившие в красную паутину. Нитки мои бандиты, кстати, явно из швейной коробочки умыкнули... Надо будет её потом подальше спрятать.

Изучив сию инсталляцию, я фыркнула и, решив ничего не трогать — не взрывоопасно, и ладно, — вернулась за стол.

Мальчишки, поедающие в этот момент суп, посмотрели на меня глазами двух святых. Ещё чуть-чуть — и замиропочат.

Я молча села, подвинула к себе тарелку с супом и, положив туда ложку сметаны, поинтересовалась:

— И на кого вы охотитесь, охотнички? Крыса, мышь, тараканы?

Мама поперхнулась, мальчишки опустили святые глаза. Потом подняли и протянули так расстроенно:

— Ну заче-е-ем ты заходила-а-а-а?..

На этот раз поперхнулась уже я.

— Ты её спугну-у-ула! Спугнула! Не надо было заходить...

Мама усмехнулась и уселась поудобнее, положив голову на зажатый кулак. Осталось только попкорн ей выдать.

— И кого же я спугнула? Кто шляется по вашей комнате в обеденное время?

Фред и Джордж замялись, а потом выдали такое, отчего у мамы открылся рот, а у меня упала ложка. Благо в суп, а не на пол.

— Пиковая дама...

Я кашлянула.

— Кто-кто?

— Пиковая дама! — повторили мои... экстрасенсы, блин. — Мы в интернете смотрели, как её вызвать. Натянуть нитки между стульями, оставить на полу карту с пиковой дамой, ну и свечку ещё.

— Свечку?! — я чуть не бросилась обратно в комнату, но близнецы замотали головами:

— Ты что, мам! Как можно оставить свечку и уйти! Пожар же может быть.

— Да-а-а-а, — протянула я вымученно, краем глаза заметив, как мама дрожащими руками наливает себе водичку в стакан, тихонько хихикая. Не иначе как на нервной почве. Она всегда начинала хихикать на нервной почве. А у меня вот глаз обычно дёргается. И скоро точно начнёт... — Значит, Пиковая дама...

— Ага.

— М-м-м... А зачем?

Хлоп глазами.

— Так интересно же!

Я почесала макушку.

— И как понять, приходила она или нет?

— А там на полу крестики должны остаться, — пояснил мне Фред, а Джордж добавил:

— Ты не видела крестиков?

— Крестиков...

Мама уже откровенно ржала, почти захлёбываясь водой.

— Не-а, не видела. Ни крестиков, ни ноликов. Доедайте суп, пойдём вместе, посмотрим, приходила ли эта... дама... рисовать на нашем полу или нет.

Нитки, стулья, крестики... Ёлки-моталки, если бы я была призраком, я бы обиделась.

Естественно, никаких таинственных знаков на полу в комнате Фреда и Джорджа не оказалось. Ребята явно расстроились, а я предусмотрительно промолчала о том, что духов вообще-то надо вызывать ночью. Было у меня предчувствие, что они и сами до этого додумаются, да и... я стараюсь не подбрасывать близнецам информацию о том, как ещё можно нашкодить. И без меня найдут.

После обеда я зарядила своих бандитов помогать нам с мамой с домашними делами. Направить энергию близнецов

в полезное русло — то ещё искусство, и даже у меня не всегда получается. В процессе энергия может повернуться в противоположную сторону, если Фред и Джордж решат, что эксперименты им дороже вытирания пыли или мытья полов.

Но сегодня всё было спокойно, и я даже успела слегка расслабиться к вечеру. Слегка. С моими охламонами лучше не терять бдительности.

— Как думаешь, — шепнула мне мама, пока я жарила котлеты на ужин, — с Пиковой дамой тема закрыта или нет?

— Вряд ли. — Иллюзий насчёт сыновей я давно не питала. — Она же так и не пришла.

— Но ведь... — протянула мама растерянно. — Она же как бы... Ну...

— Боюсь, ради Фреда с Джорджем ей придётся заглянуть к нам из небытия, — фыркнула я. — Они кого хочешь оттуда достанут. Хоть Пиковую даму, хоть Битлджуса, хоть Ктулху.

— Ктулху в нашей квартире не поместится, — заметила мама так серьёзно, будто и вправду уже ждала его в гости. Вот кстати, надо посмотреть на всякий случай, как там Ктулху вызывают. Предупреждён — значит, вооружён. — А Пиковая дама...

— Да пусть вызывают, мам. Главное, чтобы без оставленных свечек и кровавых жертвоприношений, но к этому Фред и Джордж вроде не склонны. С неделю так помучаются, потом успокоятся.

— Ты же говоришь — ей придётся заглянуть...

— Мама, — я закатила глаза, — я же шучу! Ты что, веришь в Пиковую даму?!

— Нет, — мама помотала головой и добавила нечто такое, отчего я чуть не уронила котлету: — Я верю во Фреда и Джорджа.

На этот раз я промолчала.

За ужином бандиты были тихи и задумчивы. Настолько тихи и задумчивы, что я окончательно заподозрила — грядёт большая шалость. От этого стало так печально, что даже аппетит пропал.

— Папу бы им, — сказала мама тихо, когда Фред и Джордж ушли к себе, а я принялась за посуду. — Мужская рука нужна в доме.

Старая песня о главном, да...

— Рука, может, и нужна, но мужская нога быстренько отсюда сбежит, когда поймёт, в какой треш вляпалась.

— Да ладно тебе, Алён, хорошие дети.

— Хорошие, но чужие, мам. Ты же знаешь, как мужики к чужим детям относятся. Если беспроблемные — ещё ладно, но мои-то с кучей проблем. Да что об этом говорить... Ты же знаешь, не нужны мне мужики.

Помолчав секунд пять, мама вновь запела песню:

— А Лев этот тебе как?

— Хороший сосед, — усмехнулась я, вспомнив Шляпника и его крольчиху. — Не шумит, полицию пока не вызывал.

Посмотрим, сколько продержится.

— Спокойный такой, — протянула мама явно со скрытым смыслом. Ну да, спокойствие — это то, чего мне не хватает. — И вроде не женат.

— А это ты с чего взяла? Неужели спросила?

— Нет, ты что. Без кольца просто. И ни разу я его с женщиной не видела, сегодня вот впервые.

— Ну, может, это и есть жена. Из отпуска вернулась. Короче, не морочь мне голову, мам! Ещё не хватает мне служебного романа...

— В твоём случае, Алён, — вздохнула мама с грустью, — тебе любого романа не хватает, а уж служебный он или нет — не так важно.

— Ты это нашему завучу скажи. Ей понравится, гарантирую.

Мама надулась... и опять запела:

— Злая ты. Мужик тебе нужен, говорю.

Я фыркнула:

— И зачем мужик мне нужен? Чтоб готовить ему ужин? Чтоб носки ему стирать и рубашки зашивать? А он будет меня тюкать и в туалете громко пу...

— Алёна!! — возмутилась мама. — Вот же... Фред и Джордж все в тебя!

Я покосилась на мелькнувшие в коридоре рыжие шевелюры и улыбнулась, вспомнив Антона.

Нет, они — все в него. В моего рыжика. В моё солнце...

Ночью я долго не могла уснуть. И не только потому, что мама своими словами всколыхнула очередные воспоминания — я ведь каждый день вспоминаю мужа, — но и потому что ждала в гости Пиковую даму. Нет, конечно, не совсем её. Я ждала, что мои бандиты вновь будут вызывать эту несуществующую женщину, но понятия не имела, какой именно способ они выбрали. Интернет пестрел рекомендациями по вызову разнообразных пиковых дам, почему-то уверяя, что эти мистические создания способны исполнять желания. С джином, наверное, перепутали. Или с золотой рыбкой.

В общем, начитавшись разнообразных способов по выводу персонажа карточной колоды из зазеркалья, я была под впечатлением от уровня воображения неизвестных людей из интернета. И очень надеялась, что Фред и Джордж выберут что-нибудь попроще.

Примерно в полночь я поняла, что не в силах больше ждать. Может, близнецы решили перенести свой ритуал на завтра? Или вообще на следующую пятницу, это как раз тринадцатое число будет. А я тут жду и надеюсь. Проверить, что ли?

Я тихонько поднялась с кровати, накинула халат и вышла из комнаты.

Квартира у нас большая, трёшка, и коридор просторный, и комнаты все вместительные. Гостиной служит та, в которой спит мама, там мы и праздничные застолья устраиваем,

и гостей принимаем. Комната Фреда и Джорджа напротив, и она чуть меньше, ну а самая маленькая — моя, рядом с комнатой близнецов, ближе к кухне.

Я прошла дальше по коридору, остановилась рядом с дверью своих бандитов и прислушалась.

Тишина. Ни всхлипа, ни всхрапа.

Я опустила глаза и тут же прищурилась — мне показалось, что из-под двери видна тусклая полоска света. Значит, черти не спят. В принципе, логично — чего откладывать важное и нужное дело? В конце концов, если не получится, в пятницу тринадцатого они ещё раз попробуют.

И вот даже не знаю, почему я вдруг так разозлилась? Наверное, просто устала. Мне иногда очень хочется прожить хоть один день без всех этих безумств, а тут практически целый месяц Фред и Джордж были Федей и Димой. Расслабилась, глотнула свободы... И теперь то, что ещё месяц назад казалось мне сущей ерундой, выводит из себя. Отвыкла.

В общем, я решительно толкнула дверь близнецов и вошла в детскую. Дверь оглушительно скрипнула — давно пора смазать, — и я ещё успела рассмотреть мальчишек, сидевших за столом возле окна и державших в руках зажжённые свечки, но потом...

— А-а-а-а-а-а!!!! — завопили хором Фред и Джордж, да так громко, что я подпрыгнула. Свет вдруг погас, раздались звон стекла и грохот отодвигаемых стульев, а следом — истошный крик Фимы:

— Что у вас случилось? — спросила родительница, почти забегая в детскую. — Алёна, почему они так орали?

— Потому что два дебила — это сила, — ответила я честно, глядя на повесивших головы Фреда и Джорджа со всей возможной строгостью, которую мне позволяли слезящиеся от яркого света глаза. — Вызывали Пиковую даму, а пришла я.

Мама удивлённо посмотрела на близнецов.

— И вы перепутали родную мать с...?!

— Мы смотрели в зеркало! — вскинулся Фред, шмыгнув носом.

— При свете свечей! — продолжил Джордж.

— Там плохо видно!

— И у мамы белый халат...

Ну да. Белый.

— А где написано, что Пиковая дама должна быть в белом халате? — поинтересовалась я, припоминая инструкции из интернета. — В белом халате вообще-то ходят врачи.

— Да не в этом дело!

— Мы увидели что-то белое!

— В отражении!

— И дверь так скрипнула...

— Она всегда скрипит, — фыркнула я. — И днём, и ночью. Вот же у страха глаза велики! Значит, вызывали при помощи зеркала? Нарисовали лестницу и дверь?

— Ага, — кивнули мальчишки. Ну отлично, выбрали не

самый стрёмный способ. Главное, чтобы больше не пытались повторить свои паранормальные эксперименты. Экзорцисты, блин...

И тут раздался звонок в дверь.

Близнецы вжали головы в плечи, и даже уши словно тоже сильнее прижались к голове. В вытаращенных глазах моих бандитов было столько страха и паники, словно они действительно верили, что...

— Это кто? — шепнул Фред.

— Пиковая дама?.. — пробормотал Джордж.

Мама нервно хихикнула.

— Эта ваша дама — призрак, а призраки не звонят в двери, — пробормотала я, туже затягивая пояс халата. — А вот полиция — вполне может позвонить. Вы тут так орали, как будто вас убивают.

— Мы испуга-а-ались, — вздохнули близнецы, чуть успокаиваясь. Я покачала головой — удавить их обоих хотелось ужасно.

— Мам, уберёшь осколки? Я пойду посмотрю, кто решил нарушить наш покой в полночь.

Мама кивнула, и я направилась в прихожую, мысленно настраивая себя на разговор с полицией. По пути включила настенную лампу, чтобы больше не шарахаться в темноте.

Но я ошиблась — за дверью были не полицейские. Там оказался Шляпник. Без шляпы, но с Ремом.

— У вас всё в порядке? — спросил сосед тревожно, вгля-

дываясь в меня и окружающее пространство. — Я слышал крики...

— Вы подумали, что я не выдержала и решила поубивать своих детей, — кивнула я понимающе, испытывая огромное облегчение оттого, что это всё же не полиция.

Губы Льва Игоревича дрогнули в почти неуловимой улыбке, и у меня почему-то сжалось сердце.

— Честно говоря, я ничего не подумал. Просто быстро оделся и прибежал.

— А Рема зачем взяли? — я опустила голову, чтобы не пялиться на улыбку Шляпника, и уставилась на собаку, сразу радостно завилявшую хвостом.

— Чтобы было не так страшно. Мало ли.

От удивления я вновь подняла голову — улыбка стала шире. И мне тоже захотелось улыбнуться в ответ.

Боже, как глупо.

— Они просто вызывали Пиковую даму. Но вместо неё пришла я. Скрипнула дверью, смутила их белым халатом... вот они и испугались. И заорали. Зеркало ещё разбили...

— Пиковую даму? — повторил Шляпник удивлённо, и тут за моей спиной раздались два радостно-синхронных голоса:

— Лев Игоревич, здравствуйте! Привет, Рем!

— Доброй ночи, ребята, — сказал сосед, а я уже оборачивалась к детям с вопросом:

— И почему вы вышли из своей комнаты?

Получилось очень строго. Практически наезд на пустом месте...

Фред и Джордж неуверенно помялись, чуть опустили головы и ответили:

— Мы попи-и-исать...

— Ну так и что же? — продолжила я не менее строго. — Туалет дальше по коридору. Идите, писайте и возвращайтесь к себе. Бабушка убрала осколки?

— Убирает, — буркнули близнецы.

— Вот как уберёт, ложитесь и спите. Иначе... — Я вздохнула и решила пустить в ход тяжёлую артиллерию: — Иначе заберу ваши скутеры.

— Но мам!

Они ещё и возмущаются!

— Заберу скутеры и достану папин ремень!

Мои бандиты, обиженно засопев, всё же пошли в туалет, и я вновь обернулась к Шляпнику.

— Извините, что помешали вам спать, — сказала я тускло, стараясь не смотреть на него и чувствуя себя придавленной каменной глыбой рыбёшкой. — Я не могу обещать, что это больше не повторится, к сожалению...

— Да ничего. Я всё понимаю. А можно у вас чаю попить?

Я так удивилась, что вновь поглядела на Шляпника. Лицо у него было совершенно спокойным, даже, я бы сказала, безэмоциональным. Будто он просто поинтересовался, какой сегодня день недели, а не спросил у меня только что

нечто безумно странное.

— Ч-ч-чай?

— Ну да, чай, — продолжил Лев Игоревич таким же бесстрастным голосом. — Так сказать, в качестве моральной компенсации за прерванный сон.

На этот раз я от удивления открыла рот.

— А нам можно чай? — хором спросили близнецы, хлопнув дверью туалета.

— Нельзя! — отрезала я, поворачиваясь к ним, и махнула рукой в сторону детской: — Идите к себе быстро. Молча и тихо залезаете в кровати и спите до утра. Всё поняли или мне повторить про скутеры и папин ремень?

Фред и Джордж горестно вздохнули. Выглядели они при этом как несправедливо обиженные ангелочки в пижамах.

— По-о-оняли...

— Споко-о-о-ойной ночи, мам...

— Лев Игоревич...

— Пока, Рем...

— До завтра, ребята, — сказал Шляпник, как мне показалось, сочувственно. Интересно, это он моим бандитам сочувствует или всё же мне?

Дождавшись, когда близнецы скроются в комнате, я обернулась к соседу:

— Пойдёмте чай пить.

— Да? — он улыбнулся, и мне стало жарко. — Можно?

— Можно. Я всё равно не усну.

Пока ставила чайник, доставала чашки, мёд, сахар и печенье — откуда я знаю, с чем он любит пить чай? — размышляла о том, зачем вообще позвала соседа на кухню.

Мысли путались и распутываться совершенно отказывались. В итоге я решила, что мне просто лень было спорить, и на этом успокоилась.

— Чёрный, зелёный?

— Чёрный, пожалуйста, — произнёс Шляпник очень вежливым голосом, а потом добавил: — Варенья нет у вас?

Я чуть не упала.

— Варенья?

— Ну да, я с вареньем люблю. Лучше всего — с вишневым.

— Мы как-то равнодушны к варенью, — пробормотала я, разливая по чашкам заварку — практически никогда не пью пакетики. — Мёд вот есть.

— Мёд — это тоже неплохо, — кивнул сосед. — Но варенье я люблю больше.

Значит, он всё же не так похож на Антона, как мне всё время кажется. Муж вообще не ел сладкое, совсем ничего не любил. Вот солёное — красная рыба, орешки, колбаса, — это было по части Антона.

— А Рем что будет? — поинтересовалась я, посмотрев на пса, который разлёгся под кухонным столом так вольготно, словно жил здесь всегда. — Может, ему тоже что-то дать?

Ретривер тут же сел и завилял хвостом. Это явно значит: «Давай!»

— Яблоко можно. Есть у вас яблоки, Алёна Леонидовна?

— Есть, — кивнула я, достала из холодильника яблоко, помыла его и протянула Шляпнику. — Нож дать? Или Рем так съест?

— Да, давайте, лучше разрезать. А то он не столько съест, сколько по полу вам это яблоко повазюкает.

Я дала соседу нож и села на табуретку, наблюдая за тем, как мужчина быстро и аккуратно разрезает яблоко на дольки и по одной даёт их Рему. Пёс ел с большим аппетитом, даже не жуя — заглатывал эти дольки только так.

— Между прочим, я тоже в детстве вызывал Пиковую даму, — сказал Шляпник. — Точнее, мы вместе с сестрой вызывали.

— И как? Пришла? — поинтересовалась я без особого интереса, положив себе ложку мёда в чай.

— Конечно. Она всегда приходит, только не так, как вы думаете.

Сосед явно посмеивался, а я даже слегка обалдела:

— В смысле?..

— У страха глаза велики, сами знаете. Вот ваши мальчишки напряжённо ждали, вы вошли в комнату — и они приняли вас за Пиковую даму. В любой другой день им это и в голову не пришло бы. А мы с сестрой вызывали эту дамочку в лесу. И когда в третий раз произнесли: «Приди!» — над нашими

головами громко заухала сова.

Я фыркнула.

— Мы чуть в штаны не наложили, — усмехнулся Шляпник, протягивая Рему очередную яблочную дольку. — Орали и бежали так, что грохнулись и расшибли себе коленки. Правда ведь, похожая ситуация? Ничего не случилось, но мы вдруг запаниковали. Вот так она и приходит — Пиковая дама.

— Ясно. А... — Я запнулась, но всё же спросила: — Сегодня мы вашу сестру видели?

Мне показалось, или сосед чуть напрягся?

— Нет. Это Наташа, жена моего младшего брата.

— Ого. У вас ещё и брат есть...

— Да, сестра и брат. Сестра на два года младше, брат — на пять лет.

Я хотела спросить что-то ещё, но Шляпник вдруг поинтересовался — и этим вопросом совсем сбил меня с мысли:

— А где отец Фреда и Джорджа?

Резко стало холодно. Господи, сколько лет прошло, а я всё никак не привыкну...

— Он умер. — Ответила я тем не менее абсолютно спокойно. — Давно уже.

— Я вам соболезную, — сказал Лев Игоревич, глядя на меня с сочувствием, от которого было немного тошно. — Это тяжело.

Я молчала, не зная, что ответить.

Тяжело? Нет. Невыносимо.

— Но ваши мальчишки, я уверен, через пару лет переберутся и станут гораздо послушнее.

— Дай бог, чтобы это случилось, — пробормотала я. — А то я скоро превращусь в нервнобольную женщину. Если уже не превратилась.

— Пока незаметно, — улыбнулся сосед. — Наоборот, я бы сказал — вы очень хорошо держитесь.

— Это вы мне льстите.

— Совсем нет. Вы только сказали про ремень, но не достали его на самом деле.

— Я была близка к тому, чтобы достать.

— Но всё же не достали, Алёна Леонидовна. И в этом действительно большая разница...

Шляпник оказался достаточно тактичным собеседником и провёл на моей кухне не дольше десяти минут. Выпил чаю, поблагодарил и быстро ушёл, пожелав спокойной ночи и забрав Рема, который успел уснуть и начал похрапывать под нашим столом.

Я осторожно заглянула в комнату близнецов — оба моих рыженьких чертёнка спали, и даже во сне принимали одинаковые позы — свернувшись калачиком и уткнувшись носами в стенку. Кровать у них двухъярусная, и каждый месяц при смене белья ребята меняются местами. Сейчас сверху спит Джордж, а внизу Фред.

Я несколько секунд слушала дыхание детей, а затем, плотно прикрыв дверь, вернулась в свою комнату.

Спокойной ночи... Когда я в последний раз спала спокойно?

В ночь перед родами. И рядом спал Антон... дышал мне в плечо, а я улыбалась, представляя, как скоро, совсем-совсем скоро, нас будет четверо.

Мы с ним знали друг друга с такого глубокого детства, что даже не помнили, когда познакомились. Мы были соседями по дому. Мама Антона умерла от рака крови, когда ему было три года, и моя собственная мама очень жалела несчастного одинокого мужчину с маленьким мальчиком. Папа ревновал поначалу, а потом тоже начал жалеть дядю Колю — именно так я называла своего будущего свёкра.

Мы с Антоном играли в одной песочнице, потом ходили в один детский сад, в один класс и — в конце концов — учились в одном институте, только он — на преподавателя истории. Были периоды, когда мы общались меньше, но потом вновь возвращались друг к другу. И дружба переросла в любовь уже... Да, лет в шестнадцать я поняла, что люблю его всем сердцем. Навсегда.

К сожалению, мой отец не дожил до нашей свадьбы — умер, когда мы с Антоном были на третьем курсе. У него всю жизнь было слабое сердце. А через два года мы поженились, и я почти сразу забеременела. Антон сиял, узнав, что у нас будут близнецы, и надеялся, что они родятся рыжими, как

он.

— Если так и будет, — смеялся муж, — давай назовём их Федей и Димой. Фредом и Джорджем, короче говоря!

Я хихикала и кивала. Всерьёз мы и не обсуждали имена сыновей — собирались решить всё после родов.

Я начала рожать в обычный будний день, когда Антон был на работе. Вызвала скорую, потом позвонила ему...

— Я скоро буду, — сказал он взволнованно. — Очень скоро. Напиши, когда приедут врачи, в какой роддом повезут, я туда подъеду.

— Тебя же не пустят...

— Всё равно, хоть рядом постою. Напиши, Алечка.

Только он называл меня так.

Я написала. А потом мне было уже ни до чего на протяжении долгих часов... И когда всё наконец закончилось, я посмотрела на экран мобильного телефона и удивилась, не увидев от Антона ни одного сообщения. «Наверное, не хотел отвлекать», — подумала я с нежностью, позвонила — абонент был недоступен. Тогда я набрала номер мамы.

— Всё хорошо, Алёнушка, — сказала она мне нарочито бодрым голосом. — Антоша просто так нервничал, уронил телефон и разбил его. Он сейчас в ванной, моется. Я скажу, чтобы перезвонил.

Он не перезвонил.

Мама сказала мне правду только на следующий день. Сказала, что Антон торопился, превысил скорость, потерял

управление, вылетел на встречную полосу и...

И всё.

С тех пор я и не сплю спокойно. И вообще с тех пор я так ни разу и не была счастлива по-настоящему.

Но... разве это возможно? Нет, невозможно. И главное, что я вообще живу, я держусь. Из-за наших детей, ради них.

Фред и Джордж, Федя и Дима... Мои два якоря. Они держат меня в этом мире, не давая уйти к человеку, которого я любила больше всего на свете.

Глава 4

Проснулась я от головной боли. А ещё от странных звуков за окном...

— Боже, хоть бы это были не Фред и Джордж, — взмолилась я, понимая, насколько бесполезна моя молитва — даже если странные звуки за окном производят не близнецы, это не значит, что они дадут мне сегодня спокойно пожить.

А завтра уже вновь на работу — у старшеклассников экзамены, и, пусть я буду приходить домой раньше, Фред и Джордж всё равно успеют довести маму до трясушки. Отпуск через месяц, надо как-то продержаться.

Я открыла глаза, прислушалась и поморщилась — странными звуками оказалась жуткая музыка. Но почему она звучит за окном? Никто из соседей у нас подобным образом раньше не грешил, и я сильно сомневаюсь, что Шляпник слушает... хм...

Это что — блатняк?

«На реке Колыме задержались морозы, на реке Колыме вечный голод и тиф, на реке Колыме мрут от туберкулёза, на реке Колыме человек ещё жив», — завывало за окном. Голова сразу разболелась ещё сильнее. Ужас какой. Нет, мои дети точно тут ни при чём. У моих детей безупречный музыкальный слух с пелёнок.

Я встала с кровати, надела халат и вышла в коридор. Здесь

закононый шансон был почти не слышен, но, когда я прошла на кухню, он вновь стал громче.

Близнецы обнаружили сидящими за столом с вытянутыми лицами, а мама — у плиты. Она жарила сырники, и, судя по тому, что выглядели они слегка подгорелыми, репертуар за окном её тоже отвлекал.

— С добрым утром, — сказала я, на всякий случай рассматривая с подозрением Фреда и Джорджа. — И кто знает, что это?

— Это не мы! — воскликнули мои дети хором сразу же. — Честно, мам!

— На этот раз я вам верю, — пробурчала я, садясь за стол. — Потому что вы о существовании такой... хм... музыки даже не знаете. Ма-а-ам?

— Я грешным делом подумала, что это Лев балуется, — хмыкнула мама, переворачивая сырник. — Но нет, мы его ещё не настолько достали. Помнишь, пару недель назад висело объявление, что с июня в нашем доме начнётся капитальный ремонт фасада здания?

Я нахмурилась.

— Нет, не помню.

— Неудивительно, — пробормотала мама. — В общем, это он самый, Алён. Капремонт фасада. Ты в окно выгляни — они там уже и страховку свою натянули, или как там эти верёвки называются, и на люльке туда-сюда катаются. Ну и музыку заводят.

В этот момент очередная песня про Магадан кончилась, и за окном послышалось:

«Ну а там, говорят, супчик жиденкий, супчик жиденкий, но питательный... ну а там, говорят, будешь пухленький, будешь пухленький и внимательный...»

— Хы-ы-ы, — захихикали мальчишки, а у меня возникло ужасное желание высунуться в окно и перерезать к жиденькому супчику всю страховку этих горе-ремонтников.

Видимо, не у одной меня.

— Уважаемые, — послышался за окном голос Шляпника. Судя по всему, «уважаемые» были на пару этажей ниже нас, — выключите, пожалуйста, ваш музон. Он мешает всему дому.

Снизу раздался ответ в стиле: «а мы ничё и право имеем».

И тут сосед выдал:

— Я тебя *щас* так отымею в твоё право, что ничего ремонтировать не сможешь. И менты на мой вызов с удовольствием приедут, заберут тебя туда, где этот самый супчик на обед. Понял или мне повторить?

— О-о-о, — сказали хором мои бандиты. — Лев!

— Что — Лев? — не поняла я.

— Вот сейчас — Лев! — пояснил Фред, а Джордж добавил: — Р-р-рычит! Как положено львам.

— Да от такого музона и мышка зарычит, — пробормотала я, закрывая окно — не хватает ещё близнецам слушать отборный трёхэтажный мат любителя жиденских супчиков.

Он, может, и понял, и сейчас даже выключит, но обматерить Шляпника был обязан по праву безвинно обиженного. — Так-с, с чем сырники будем? Со сметаной, со сгущенкой? Или, может, вам клубничный соус сделать?

У мальчишек в глазах загорелись сердечки, как у смайликов:

— Соу-у-у-ус, да-а-а...

Вот и отлично. Кажется, удалось отвлечь... И хорошо, что у наших окон отличная звукоизоляция.

Надо будет потом у Шляпника поинтересоваться, чем там дело кончилось с этим супчиком.

После завтрака мы с Фредом и Джорджем, оставив бабушку пылесосить квартиру, пошли гулять и... да, кататься на скутерах. Куда же без них? Близнецы с трудом дотерпели, когда я, как они выразились, «соизволю» (за что получили по шапке оба) выйти из дома, сразу встали на свои адские машины и погнались. И в результате я нервничала всю дорогу до парка, представляя, что сейчас их занесёт на проезжую часть и всё... Поэтому я практически бежала за ними, намереваясь в случае чего схватить за футболки и стащить со скутеров.

А возле парка мы наткнулись на Шляпника с Ремом. Пёс радостно завилял хвостом, сосед улыбнулся и приподнял шляпу, мои же бандиты завопили:

— Здра-а-а-а-Ле-е-ев-Игоре-е-еви-и-ич! — и стали кру-

жить вокруг него, как два зайца из рекламы батареек. — А вы-ы-ы уже-е-е?!

Я не сразу поняла, что значит «уже», а вот Шляпник проявил поразительную способность к расшифровке тайных посланий Фреда и Джорджа.

— Да, мы уже погуляли. Но можем погулять ещё. Алёна Леонидовна, вы не против, если я к вам присоединюсь?

— Нет, — я пожала плечами, — гуляйте, конечно. Если вам не надоело...

Судя по счастливому Рему, который вилял хвостом как бешеный, глядя на близнецов, — не надоело.

Шляпник улыбнулся и, наклонившись, отстегнул карабин от ошейника. Пёс тут же, громко гавкнув, понёсся за Фредом и Джорджем, игриво клацая зубами, словно пытаюсь поймать мальчишек.

Вот даже не знаю, хорошо это или плохо? Может, порядка будет больше, если мы погуляем с собакой? Или наоборот...

Я так пристально следила за своими бандитами, что не сразу поняла — сосед что-то мне говорит.

— А?

— Рему полезно поноситься, — повторил Шляпник терпеливо, — а то я ему должную зарядку для ног и хвоста не обеспечиваю.

— Хвоста?

— Ну да. Смотрите, как виляет.

И точно — хвост Рема двигался с такой скоростью, словно

мечтал превратиться в пропеллер и помочь своему хозяину взлететь над брэнностью жизни.

Я вздохнула. Эх, мне бы столько энергии...

— Что в итоге с нашими ремонтниками? А то я окно закрыла, чтобы не смущать Фреда с Джорджем... м-м-м... выбором репертуара. Приструнили вы это блатное сообщество?

Лев Игоревич пожал плечами:

— Думаю, что максимум на неделю, а потом будет рецидив.

Я засмеялась.

— Да, вполне возможно. Может, они просто-напросто мечтают быть рецидивистами. А тут такой облом — надо вместо этого дом ремонтировать.

Сосед, кажется, хотел что-то ответить, но не успел — я громко завопила:

— Фред! Джордж! Стоять!!!

Шляпник сам аж вздрогнул, а моим... рецидивистам — ну хоть бы хны! И мчатся вперёд без зазрения совести, а там такой спуск за поворотом — мама не горюй. Костей не соберу... и нервов не напасусь...

И тут мой собеседник ринулся вслед за близнецами, да так быстро, что я больше ничего не успела крикнуть. Догнал их секунд через пять — как раз на повороте — и схватил обоих за шкирки.

Фред и Джордж балансировали на скутерах, не в силах ехать дальше, а рядом топтался и вилял хвостом совершен-

но счастливый Рем — ему явно нравилась эта игра на моих нервах.

Я вздохнула с облегчением, подошла ближе... и чуть не упала, услышав:

— Ребята, правила дорожного движения пишутся не только для тех, кто ездит на автомобилях. Неважно, велосипед под вами или скутер, — надо ездить по правилам.

— Мы ещё маленькие для правил! — Фред.

— И здесь нет никаких знаков! — Джордж.

— Знаков, может, и нет. Зато у вас есть мозги. — Ну, это спорный вопрос. — И мама, которая за вас волнуется и переживает. Вы ведь не хотите остаться без мамы?

Я уже хотела подать голос, чтобы высказать своим бандитам всё, что о них думаю, как вдруг услышала этот вопрос. И замерла от неожиданности.

— Никогда не думали об этом, да? — продолжал Лев Игоревич увещевать притихших близнецов. — А зря. Мама ваша не вечная, и здоровье у неё не железное. А вы её так нервируете, как будто и не любите совсем.

— Любим! Конечно, любим! — возмутились мальчишки. Я фыркнула — и все присутствующие наконец обратили на меня внимание. Даже Рем — и тот голову задрал.

— Любить — значит заботиться и нервы не трепать. Вы же обещали с этого спуска не съезжать, — сказала я укоризненно и услышала в ответ два синхронно-честных голоса:

— Мы бы притормозили!

— Да, притормозили бы!

Судя по улыбке Шляпника, он моим детям тоже не поверил.

— Ну да, конечно... — Я закатила глаза. — Тормозят одни лишь трусы, что боятся рваных ран. Ну а смелым карапузам всё ништяк! А что до мам — поорут и перестанут, сядут быстро голоса. Что вы им ни говорите — всё им божия роса.

Сосед, кажется, офигел, а Фред с Джорджем уже хором возмущались, по привычке выловив из моего рифмоплётства главное:

— Ну почему ты нам не веришь?!

— Ну правда, мам!

— Ну честное слово!

Я вздохнула. Вот и что мне с ними делать?

— Лев Игоревич, отпускайте их. Так, ребята, гуляем дальше до первого косяка. Если ещё где попытаетесь скатиться — пеняйте на себя: пойдём домой и будем сидеть дома. И никакой пиццы.

— Да, мам!

— Мы поняли, да!

Близнецы энергично закивали, а Шляпник, отпуская моих оболтусов, поинтересовался:

— Пиццы?

— Угу. Раз в две недели заказываю им эту вредную еду. Иначе весь мозг мне... прополощут.

— А что это был за... стишок? — продолжал любопыт-

ствовать сосед.

— Это моя старая и очень дурацкая привычка. Я иногда выдаю такое вот рифмоплётство совершенно на пустом месте. Сама не знаю, как получается. Само собой как-то...

— Интересно. А я вот совсем не умею стихи сочинять.

— Это не стихи, — я поморщилась. — Стихи — это Пушкин, Лермонтов, Есенин и так далее. А у меня так, рифмоплётство. А настоящие стихи я... не пишу.

Я хотела сказать «никогда не писала» — но это было неправдой. Писала, когда Антон был жив. А потом оказалось уже не до стихов.

Иногда только этот мой «литературный талант», как говорит мама, прорывается наружу таким вот рифмоплётством. И всё. Настоящих стихов я точно уже не напишу. Перегорела.

Мы гуляли вместе с соседом почти час. Фред и Джордж больше не отъезжали далеко и вообще вели себя как пайблизнецы, мечтающие вечером слопать большую мясную пиццу. Я сама не любитель подобной ерунды — как по мне, то нет ничего лучше обычной домашней еды. Но дети есть дети. И картошка фри, бургеры или пицца возбуждают их гораздо больше бабушкиных котлет.

Шляпник спокойно, тихо и мирно расспрашивал мальчишек или меня о чём-то нейтральном — об учёбе в школе, о разных магазинах в нашем районе, о том, собираемся ли мы

на море, — в общем, разговаривать с ним было легко и приятно. И сам он такой — лёгкий и приятный человек. Антон тоже таким был.

Тьфу, Алёна, сколько можно... не надо их сравнивать.

А вечером, когда мы с моими оболтусами заказали пиццу и уселись её лопать на кухне — бабушка, морщась, разогрела себе картофельное пюре с куриными котлетами, не поддержав «пищепоедание», как говорят близнецы, — Фред с Джорджем, переглянувшись, спросили меня заговорщицким хором:

— Ма-а-ам... а как тебе Лев?

Бабушка подняла голову, с интересом уставившись на внуков и меня. Ну да — её любимая тема. Алёнушка и жёнихи.

— Какой лев? Который из мультфильма «Король Лев», что ли?

— Не-е-ет! — Какое синхронное единодушие. — Наш Лев. Сосед.

Ага, он уже «наш».

— Хороший сосед, — повторила я то, что уже говорила недавно маме. — Не шумит, ментов не вызывает, музыку нестандартную не слушает. Ещё и с собакой. Мечта, а не сосед.

И тут я обалдела. Потому что я чуть ли не впервые в жизни видела Фреда и Джорджа настолько... смущёнными. Причём по-настоящему, а не притворно.

— А нам он нравится.

— Нравится, да.

— И мы подумали...

— Да, мы подумали...

— Что из него был бы хороший папа...

— Ага...

Дззззынь!

Бабушкина вилка упала на пол. Челюсть у моей мамы тоже упала, но до пола не достала — остановилась где-то в районе груди.

— Конечно, хороший. — Главное — сохранять спокойствие и не ронять вилки. — Из хороших людей получаются хорошие папы и мамы.

Ответом мне был синхронный смущённый пыхтёж.

«А ведь они не знают, что ещё сказать, — подумала я с отчётливой ясностью. — Это очень взрослая тема и взрослые дела. Не знают, как разрулить».

— Ешьте лучше свою пиццу, ребята. Помните, я говорила, что никого нельзя заставить общаться с кем-то насильно? Вот и папой быть тоже насильно не заставишь.

— А мы не насильно...

— Мы добровольно...

— Добровольно ешьте, — фыркнула я. — А Лев сам разберётся.

— У львов в природе вообще целый гарем, — протянула бабушка глубокомысленно.

— Мам!

— Гарем? — ребята встрепенулись, услышав незнакомое слово.

— Не гарем, а прайд, — проворчала я. — Это значит — один лев и много львиц. Так и живут. У всех животных по-разному: есть одиночки, есть те, которые парами живут или стаями, а у львов вот прайды. Но это про животных, а люди так... хм... не живут.

Мама усмехнулась и промолчала. Ну да, пришлось соврать. В конце концов, правду о том, что люди живут вообще как попало, Фред с Джорджем и сами потом узнают.

В понедельник я вновь пошла на работу, а близнецы остались дома с бабушкой. Не люблю я это, ох не люблю, но что делать? Не с собой же на работу мне их тащить, я за ними смотреть не смогу, и они в это время школу по камушкам разберут.

Уроков уже не было, зато были экзамены и всяческие проверки. И я как раз вышла с экзамена по математике, когда завибрировал мобильный телефон:

«Пошли на прогулку, встретили Льва. Он вызвался сам погулять с Ф и Д. Я разрешила».

Я фыркнула и напечатала ответ:

«Смертник».

От мамы через пару минут пришло:

«А ему они нравятся, это видно. И ты, Алён, присмот-

рись».

Я чуть зубами не закрипела. Если бабушка объединится с близнецами в стремлении выдать меня замуж... пожалуй, придётся мне срочно и очень быстро бежать до канадской границы*.

(*Отсылка к рассказу О. Генри «Вождь краснокожих» — главный герой рассказа чем-то напоминает обоих близнецов.)

Хотя мама должна помнить, что сила действия всегда равна силе противодействия.

Часа в четыре я наконец смогла убежать с работы. Специально не стала обедать, чтобы побыстрее освободиться. Это время в начале лета, когда мама остаётся одна с близнецами и все уже отвыкли от подобного режима, всегда проходит у меня в сильнейшем стрессе. И да — именно на первой-второй неделе июня Фред и Джордж обычно шалят не по-детски. А сейчас им сам бог велел — у них теперь есть скутеры! Хотя в случае с моими детьми — скорее дьявол.

И зачем я им купила эти жуткие штуковины? Дополнительная функция к шилам в попе. Пропеллеры для Карлсонов. Бэтмобили для Бэтменов.

Я улыбнулась, вспомнив, как прошлым летом близнецы — фанаты Бэтмена — пытались научить летать свои старые детские машинки, приделывая им различные самодельные крылья и спуская с балкона. Эксперимент был провален, ко-

гда в квартиру поднялся Марат — наш местный дворник. Он сразу понял, чьих рук дело планирующие с неба машинки с привязанными к ним различными пакетами, пёрышками и — венец творения — моей ночной рубашкой с бешеной белой из «Ледникового периода».

В тот день желание выпороть близнецов было сильным как никогда.

— Посмотри на это с другой стороны, — сказала бабушка тоном Иммануила Канта. Да, «посмотри на это с другой стороны» — её любимая фразочка. — До того, чтобы использовать в качестве парашюта твои лифчики, Фред и Джордж не додумались. Вот Марат был бы счастлив.

На следующий день я купила замок для ящика со своим бельём. Впрочем, у меня нет сомнений — если близнецам действительно оттуда что-нибудь понадобится, они этот замок вскрыют без особых усилий. Бандиты.

Не успела я выйти из лифта на нашем этаже, как меня чуть с ног не сбilo. Я сначала даже не поняла, что это на меня налетело, истошно сопя, только непроизвольно отскочила к стене — и почти сразу услышала спокойный голос Шляпника:

— Рем, нельзя!

Опустила голову и улыбнулась, увидев радостно скалящуюся морду соседского ретривера. Так вот кто на меня налетел!

— Мама! Мама, ты уже? — загалдели близнецы. Они вместе со Львом Игоревичем шли по лестнице в обнимку со скутерами, и мордочки у них были довольными донельзя. Интересно, это они просто рады меня видеть или успели где-то нашкодить? Скорее второе.

Я с подозрением оглядела лица, руки, коленки. Синяков и ссадин нет. Прекрасно, хотя бы это радует.

— Да, я уже. — Я покосилась на Шляпника. — Добрый день. А почему вы пешком на десятый этаж топаете? Лифт же работает, я на нём прекрасно доехала.

— Лев Игоревич предложил! — воскликнул Фред.

— Сказал, что Рему отличная зарядка! — добавил Джордж. Я вновь опустила голову, рассматривая пса со свисающим сбоку языком, и подумала, что после трёхчасовой (а именно столько сосед гулял с близнецами по моим расчётам) прогулки по парку бедняге уже не нужно ничего кроме еды, воды и подстилки.

— Тогда я отдаю вас маме и прощаюсь с вами, ребята, — сказал Лев Игоревич, с улыбкой приподнимая шляпу. — Хорошего вечера, Алёна Леонидовна.

Мне стало так неловко — хоть разворачивайся и шагай обратно в лифт. Я ведь понимала, что после того, как Шляпник столько времени гулял с моими детьми, я просто обязана пригласить его хотя бы на чай. Или даже на обед. В общем, надо как-то поблагодарить, но делать это совершенно не хотелось. Опять мама заведёт старую песню о главном, и

на сей раз её жестокий романс подхватят близнецы. Нет уж, благодарю покорно.

— Ма-а-ам! — укоризненно протянули Фред и Джордж, и я цыкнула на них:

— Так, марш домой! Переодеваться и мыть руки. — И обратилась к соседу, который уже собирался разворачиваться, чтобы идти к себе на этаж ниже: — Лев Игоревич, постойте, пожалуйста.

Я была готова к тому, что отпрысков придётся впихивать в квартиру силой, но близнецы проявили поразительную покладистость, смывшись с глаз долой настолько стремительно, что я едва не застонала — ну точно ведь что-то задумали!

— Я хотела сказать вам спасибо, — пробормотала я, ощущая себя в полнейшем раздрае. — За то, что вы погуляли с Фредом и Джорджем.

— Не за что, — ответил он вежливо и невозмутимо, глядя на меня спокойными голубыми глазами. Интересно, он вообще умеет злиться и орать? Пожил бы месяц с моими бандитами — точно научился бы.

— Честно говоря, я не очень понимаю, зачем это вам, — призналась я, изучая лицо Шляпника. Удивительно, как же можно быть одновременно и похожим, и непохожим на другого человека? Сосед иногда безумно напоминал мне Антона, но в следующую же секунду это наваждение рассеивалось. — Были бы ещё Фред с Джорджем покладистыми лапочками, а то ведь сущие кошмары.

— Да ладно, — он усмехнулся. — Отличные мальчишки. Да, сорванцы, но это пройдёт. Учатся они у вас хорошо, знают для своего возраста очень много и...

Что «и», я так и не узнала. Потому что за окном пролётом ниже вдруг затрещало, загрохотало, а затем раздалась очередная душераздирающая и ушисворачивающая музыка. Но теперь она, на мой вкус, была ещё хуже.

«Ты сегодня крайне озабочена, а я, а я пойду на поводу, пойду и возьму, и будет поздно говорить: “Я не хочу”. И если бы ты была бы полицей — я бы тебя ай-я-й!»

— Вот же гоблины, — поморщился Лев Игоревич, косясь на окно. — Перешли на другую сторону дома и решили, что можно попробовать ещё раз.

— Рецидивисты, — кивнула я, пытаюсь не покраснеть от жуткой песенки, что грохотала за окном. «И твои губы знают, как, как сделать так, как ты делаешь так?.. Мой обнажённый кайф!» Почему-то слушать такое при Шляпнике было очень волнительно. Я даже невольно посмотрела на его губы — чтобы секундой позже отвести взгляд, почувствовав жар в области сердца.

Наверное, у меня просто давно не было мужчины. Слишком давно. Десять лет. Я уже почти забыла, что это такое, и вспоминать совсем не желала.

— Пойду разберусь, — продолжал между тем сосед. — Приятного вам вечера, Алёна. — И побежал вниз по лестнице в сопровождении радостно машущего ушами и хвостом

Рема.

Только когда их шаги почти стихли, я отмерла и, потеряв ладонями вспыхнувшие щёки, направилась в квартиру.

Долгая прогулка на скутерах, да ещё и с собакой оказалась полезна, причём не только Фреду с Джорджем, но и нам с мамой. Близнецы в результате начали клевать носом уже около восьми вечера, зевая и безуспешно борясь со сном, и в конце концов сдались и отправились в кровати.

— Вот было бы здорово, если бы Лев гулял с ними почаще, — протянула мама, лукаво глядя на меня. — Ты присмотришь, Алён, присмотришь...

— Ты это каждый день будешь повторять?

— Почему бы и нет. Вода камень точит.

Камень. Ну да, со дня смерти Антона я именно в камень и превратилась. Застыла соляным столпом — не женщина, а оболочка, функция, робот. Я привыкла к этому, меня всё устраивало, а вот маму почему-то нет. Она начала сватать меня семь лет назад, когда близнецам исполнилось по три года, — видимо, решила, что я достаточно побыла вдовой. Первое время её попытки выдать меня замуж были весьма агрессивными, но теперь поутихли. И не удивительно — Фред и Джордж не давали нам сосредоточиться на чём-либо другом, кроме их вредных персон.

Я вымыла посуду, оставшуюся после ужина, протёрла стол, налила чистой воды в кувшин и оглядела кухню. Вроде

всё в порядке, можно идти к себе... хм, отдыхать. С ума сойти, всего-то девять вечера, а близнецы уже спят, укатанные, как тесто для пиццы. Надо всё-таки поблагодарить соседа, а то нехорошо как-то вышло. Он же не виноват, что мама мечтает сделать меня мужней женой, он просто гулял с мальчишками. Может, пожалел меня немного — видел же, что я замоталась, решил доброе дело сделать, чакры почистить, ну или что там чистить полагается? А я так шарахаюсь от бедного мужика, как будто у него бубонная чума, не иначе.

Да, нехорошо, Алёна, неблагодарно. Лев, конечно, не обидится, он явно ничего не ждёт, но дело же не в этом, а в твоей совести. Всех остальных соседей, подруг и коллег, которым доводилось сидеть с Фредом и Джорджем и отвлекать их от шалостей, ты благодарила, а Шляпнику просто сказала спасибо на лестничной площадке, даже на чай не позвала. Стыд и позор Виктору Перестукину, второкласснику и второгоднику!

Вздыхнув, я полезла в кухонный шкаф, где мы с мамой хранили стратегический запас шоколадных конфет — на тот случай, если придётся срочно что-то кому-то дарить. Конфеты, как правило, долго не залёживались, поэтому были постоянно свежими, так что отравить Шляпника мне не грозило. И я, засунув под мышку маленькую коробочку «Мерси», тихонько выскользнула из квартиры. Мама пять минут назад ушла в ванную мыться, моется она обычно с полчаса, так что время у меня есть.

Сбежав по лестнице на этаж вниз, я решительно позвонила в дверь квартиры Шляпника. Правда, моя решительность улетучилась, как только за стеной раздался громкий лай Рема. Господи, Алёна, что ты делаешь? Передала бы эту коробочку через маму, зачем сама решила отдать, да ещё и вечером?!

Замок щёлкнул, дверь распахнулась, и на пороге возник Лев Игоревич. И я непроизвольно покраснела, осознав, что, по-видимому, вытащила соседа из-под душа — он был в одних только джинсовых шортах, и на голом торсе блестели мелкие капельки воды.

— Алёна? — в голосе было удивление. — Что-то случилось?

Убежать хотелось уже безумно сильно, но я сдержалась, помотала головой и протянула соседу конфеты:

— Ничего, Лев Игоревич. Вот, это вам. Спасибо большое за помощь с близнецами.

— А, — он улыбнулся, и плечи его чуть опустились. Я невольно покосилась на грудь — редкие рыжие волосы, как у Антона. Но Антон был более субтильным, худым и почти не мускулистым, а Лев... Да, рельеф мышц на его груди впечатлял. — Я уж подумал, что-то произошло. Спасибо большое, хотя не стоило беспокоиться. Проходите. — И он отступил в сторону, пропуская меня в квартиру.

Щёки загорелись, будто я их только что ладонями тёрла. Если бы Шляпник сказал иначе, например: «Не хотите ли

выпить чаю?» — я бы отказалась. Но он произнёс: «Проходите», и отказываться было неловко.

Я шагнула в коридор, ощущая безумное смятение. Здесь очень сильно, терпко и остро пахло мужчиной, и этот запах был настолько приятным, что я чуть не закрыла глаза от удовольствия. Отличный у Льва гель для душа... или это лосьон после бритья?

— Проходите, — повторил сосед, кивая в сторону кухни. — Я через несколько секунд подойду, только футболку надену.

— Да я вообще не собиралась... — протянула я наконец то, что давно хотела сказать, но Шляпник улыбнулся и махнул рукой:

— Ладно вам, это совсем недолго. Я приглашаю. Мне будет приятно, если вы выпьете со мной чаю, Алёна.

Только тут я вдруг осознала, что сосед умудрился где-то потерять моё отчество, и так у него это ловко и естественно получилось, что я даже не заметила. И пока я переваривала эту новость, Лев — Игоревич! нечего фамильярничать! — ушёл в одну из комнат, и рядом со мной остался только оживлённо виляющий хвостом Рем.

В сопровождении пса я всё же направилась на кухню. В квартире явно сделали косметический ремонт перед продажей — следов нашего прошлого года залива на потолке больше не было. И в целом всё изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз, — и обои другие, не зелёные, а

персиковые, и плитка на «фартуке» не фиолетовая, а бежевая, с милыми чайничками, и занавески на окнах цвета необработанного льна, а не белые. И стол не деревянный, а стеклянный, с матовой прохладной поверхностью, полукруглый, и табуретки другие, без мягких сидений.

Всё иначе, но мне здесь тем не менее понравилось. Уютно.

Я села за стол, Рем лёг рядом, у ног, и смачно облизал мне щиколотку, отчего я резко вздрогнула и захихикала:

— Ой, Рем, не надо!

Пёс поднял голову — язык вывалился набок — и посмотрел на меня с истинно собачьим восторгом. Вот уж кто точно был рад моему визиту.

— Что «не надо»? — поинтересовался Шляпник, заходя на кухню, и с любопытством оглядел нас с Ремом. Никакой шляпы на нём сейчас, конечно, не было — только джинсовые шорты и чистая белая футболка с чёрно-белым изображением Джона Леннона и надписью «This is not Harry Potter». Увидев её, я на мгновение онемела, а потом невольно растеклась по табуретке и улыбнулась. Всё-таки у нашего соседа есть чувство юмора!

— Рем лизал мне ногу, — пояснила я. — Щекотно.

— А-а-а. — Лев Игоревич кивнул и с громким щелчком включил электрический чайник. Достал из шкафчика две почти одинаковые белые чашки, кинул в них чайные пакетики и продолжил: — Это нормально. Он так выражает вам свою симпатию. Не волнуйтесь, много лизать не будет, Рем

у меня приличный пёс.

Сосед говорил совершенно спокойно, но от этого «лизать» щекам стало жарко. Интересно, это он случайно, или специально хочет меня смутить?

Чтобы отвлечься, я посмотрела на свою чашку — и фыркнула. Надпись на ней гласила:

+ X

Сам ты буква «ха»! Это математические знаки сложения и умножения!

— Вы любите белое с надписями? — спросила я, косясь на кружку Шляпника. Что написано там, было не разглядеть, но тянуть руки я не стала — это всё же неприлично. — И чашки, и футболка...

— Не обязательно белое. — Сосед деловито расставлял передо мной вазочки с печеньем и конфетами, а ещё водрузил на стол банку вишнёвого варенья. — Просто люблю что-то такое, забавное.

— Мы же с вами много раз гуляли, я вас не видела в забавном...

— Не так уж и много. — Шляпник хмыкнул, положив на стол подаренную мной коробку конфет. — Случайно так получилось, что не надевал тогда. Потом ещё увидите. Простите, что не спрашиваю, какой вам чай, у меня только чёрный, и только в пакетиках.

— Ничего страшного, — помотала головой я. — Я вообще не собиралась...

Я не стала озвучивать, что именно «не собиралась», — слишком неловко было, — да и Лев Игоревич уже лил кипяток в чашки. Долил до верха — чёрт, это мне теперь придётся ждать, пока остынет, не просить же его отлить, чтобы разбавить холодной водой? — и сел на соседнюю табуретку.

В кухне вдруг как-то разом стало тесно и душно. Господи. Когда я в последний раз находилась наедине с мужчиной? Если не считать врачей — очень давно. Будто в прошлой жизни.

И самое ужасное, что мне нравилось это ощущение. Но оно же и пугало.

— Могу я посмотреть, что написано на вашей чашке? — пробормотала я, пытаюсь отвлечься от противоречивых эмоций, которые разрывали меня на части. Я одновременно хотела и как можно дольше оставаться на этой кухне, и побыстрее убежать обратно в свою камеру. — Интересно...

— Да, конечно, — Шляпник осторожно подвинул ко мне свою кружку, я схватилась за неё, приподняла...

А дальше всё пошло не так. Я даже не поняла, как это получилось, но рука у меня неожиданно дрогнула, чай немного выплеснулся из кружки, попал мне на ладонь, я вскрикнула и непроизвольно махнула рукой, одновременно с этим выпустив из захвата фарфоровое изделие.

Я резко вскочила на ноги, но поздно — часть чая всё равно хлестнула меня по коленям.

— Ай! — вскрикнула я и начала прыгать, издавая хлюпа-

ющие звуки — пол теперь был мокрым. — Ох, простите...

Сосед стремительно встал с табуретки и, подхватив меня на руки, куда-то понёс. Я замерла от удивления, даже забыв о боли в обожжённых ладони и коленях, но спросить, в чём дело, не успела — Шляпник уже ставил меня на пол в ванной и включал воду.

— Я сейчас принесу мазь от ожогов, — сказал он невозмутимо, словно ничего особенного не случилось, — вы пока опустите ладонь в холодную воду.

— Колени тоже опустить? — пробормотала я с неловкостью, ругая себя на чём свет стоит — уронила кружку и обожглась на ровном месте! — Мне бы лучше домой, Лев Игоревич, у меня там и мазь есть. Мне же штаны надо снять, помазать, и чем скорее, тем лучше...

Кажется, он огорчился. Хотя вряд ли, наверное, действительно показалось. С чего вдруг соседу огорчаться? Я была бы только рада, если бы такая ходячая катастрофа решила покинуть мой дом.

— Вы правы, конечно. — Шляпник кивнул, закрыл кран и отступил в сторону, пропуская меня вперёд. Я шагнула в коридор и чуть не упала, услышав за спиной: — Тогда приходите завтра. Я вас приглашаю.

— Я... — Я запнулась, думая, как бы поправдоподобнее соврать. — Завтра занята.

— Тогда послезавтра.

— Тоже.

Он хмыкнул, и я, обернувшись, успела уловить на его лице понимающую улыбку. Сосед словно прекрасно осознавал, по какой причине я ему отказываю.

— Хорошо. Тогда приходите, как будете свободны, в любое время. Мы с Ремом будем рады.

— Ладно, — я кивнула, отводя взгляд. — Простите, что разбила вашу кружку.

— Она не разбилась, только упала. Да и даже если бы разбилась, ничего страшного. Посуда бьётся к счастью.

— Если бы это было так, я уже была бы самой счастливой женщиной на планете, — фыркнула я, почему-то до сих пор не решаясь уйти, хотя стояла возле входной двери. — Знаете, сколько посуды перебили Фред с Джорджем за последние годы?

— Представляю. — В голосе Шляпника слышалась улыбка, но я по-прежнему не смотрела на него. — Однако посуду всё же били не вы, а близнецы. Значит, это им положено быть самыми счастливыми, а не вам.

— Логично, — признала я.

— Разумеется. Я же математик, мне полагается быть логичным.

От улыбки я всё же не удержалась:

— Да, вы правы. Я пойду. Спасибо за гостеприимство, и извините ещё раз.

— Ничего страшного.

Мне повезло — мама до сих пор не вылезла из ванной, и моё отсутствие в квартире осталось незамеченным.

Я дождалась, когда она закончит мыться, а потом тоже приняла душ, после чего обработала кремом от ожогов ладонь и колени. Оказалось, что не так уж и сильно я обожглась. Вот и хорошо, мне лишние болячки ни к чему...

Нет, ну как я так умудрилась? Даже не помню, когда в последний раз была посуду. Хотя Шляпник сказал, что кружка не разбилась, но вполне могла бы, так что...

Не надо было вообще туда идти. Не надо было... заглядывать на соседа. Это предательство по отношению к Антону, вот Вселенная мне и отомстила, заставив облиться кипятком. Надо держаться на расстоянии, а все благодарности передавать через маму, как и хотела.

— Ты останешься для меня единственным, моё солнце, — прошептала я, залезая в постель. — Первым и последним...

Из телефона медленно и печально текла «Лунная соната» Бетховена, и я закрыла глаза, ощущая холод и боль в груди.

Я всё ещё жива.

Глава 5

Следующие несколько дней я соседа почти не видела, а когда видела, стремилась побыстрее от него улизнуть под каким угодно предлогом. О неудавшемся чаепитии Шляпник мне благоразумно не напоминал, да и в целом не настаивал на собственной компании. Его даже с натяжкой нельзя было назвать ухажёром, но я всё равно напрягалась, отлично при этом понимая, что дело не столько в нём, сколько во мне.

Лев Игоревич продолжал по утрам гулять вместе с близнецами, их скутерами и Ремом — на радость моей маме, — пока я пропадала в школе, и закончилось это всё предсказуемо — хотя я в силу своей наивности предсказать такое не смогла: в пятницу, вернувшись с работы к обеду, я обнаружила на собственной кухне Шляпника в компании мамы, Фреда и Джорджа. И даже Рем тут был! Сидел под столом.

В первое мгновение я потеряла дар речи. А потом слегка разозлилась, хотя причины в целом не было. Других соседей мама много раз приглашала в гости, и меня ничего не возмущало, а тут вдруг такая реакция.

Я открыла рот, намереваясь сказать всё, что я думаю о подобном возмутительном поведении, но не успела.

— Вот, Алёнушка, исправляю несправедливость, — произнесла мама громко и настойчиво, как судья при оглашении приговора. — А то Лев нас уже столько раз выручал, а мы

его даже ни разу в гости не приглашали.

Неправда. В ту ночь, когда мальчишки вызывали Пиковую даму, мы с соседом пили чай на кухне. Но упоминать об этом сейчас оказалось как-то стыдно.

— Я пойду, — Шляпник неожиданно поднялся, но на него тут же зацыкала мама, а близнецы заныли:

— Вы куда, дядя Лёва?..

— Вы чай не допили!

— И печенье не попробовали, вы же хотели...

Дядя Лёва?!

— Мам, ну скажи ему! — хором возвестили близнецы окончательно обалдевшей мне. И смотрят ещё так обвиняюще, как будто я их только что лишила сладкого на месяц ни за что.

Сказать, значит. Ага.

— Нам пора бы на обед, а печенье — это бред, от него во рту лишь сладко, а в желудке очень гадко. Прекращаем сей разврат! Суп-второе ждёт ребят, — выпалила я.

Лев Игоревич открыл рот, а потом настолько радостно и обезоруживающе улыбнулся, что меня аж передёрнуло. Запутавшиеся лучики солнца в рыжих волосах, несколько мелких веснушек возле носа, широкая счастливая улыбка — да, в такие моменты Шляпник безумно напоминал Антона... Умом я понимала, что это другой человек, но сердце всё равно вздрагивало.

— Как это классно у вас получается, Алёна, — хмыкнул

сосед под возмущённое пыхтение близнецов и укоризненный взгляд мамы, направленный на меня. — Очень складно, непринуждённо и весело. Но вы правы — я действительно...

— Хотите пообедать с нами? — спросила мама громко, и Фред с Джорджем тут же загалдели: «Да, да!» — У нас сегодня вкусный борщ и отличная картофельная запеканка с мясом.

Господи, вот что она делает? Неужели не понимает — нельзя его привечать?

— В другой раз, — ответил Шляпник бесстрастно и чуть прищурился, глядя на меня. Он то ли уже читал, то ли пытался прочесть мои мысли. — Сейчас мне действительно пора. До свидания, Фред, Джордж, Ксения Михайловна. Хорошего вечера, Алёна.

— Я провожу вас, — пробормотала я, отступая в коридор и ощущая себя полной идиоткой. Сосед ведь не виноват, что похож на моего умершего мужа, которого я до сих пор люблю. Не виноват, что я чувствую... чувствую... Чёрт, я ничего не должна чувствовать. Но как это выключить?

Шляпник молча шёл следом за мной, и рядом с ним шагал Рем, цокая когтями по полу. Мы достигли входной двери, сосед взял оставленную на комод в прихожей шляпу, надел её и повторил:

— Хорошего вечера, Алёна.

— Спасибо, — почти прошептала я, отводя взгляд. — Извините, пожалуйста.

— Ничего страшного. Пошли, Рем.

Лев Игоревич ушёл, такой же невозмутимый и спокойный, как и всегда, а я отправилась на кухню — держать оборону.

В тот вечер мне действительно пришлось несладко. Близнецы дулись, мама большей частью многозначительно молчала, и я не представляла, что с этим делать. Остановить состав под названием «Фред и Джордж» нереально, притормозить мамино желание выдать меня замуж за первого встречного соседа — тем более. Может, поговорить с самим Шляпником?..

— Алёна, — мама, настроенная явно воинственно, встала рядом со мной, когда я взялась мыть посуду, а близнецы убежали в свою комнату, — это нехорошо.

— Что именно? — буркнула я, намывая одну из тарелок.

— Лев ничего плохого не сделал, — продолжала мама с истинно фамильным упрямством. — Даже наоборот. Он вежливый, помогает нам. Вот ты знаешь, что у нас кран в ванной третий день капал? Я попросила его посмотреть, и он его починил как раз перед твоим приходом. Ещё и мальчишкам объяснял, что и как делает.

— Кошмар! — Я ужаснулась. — Это ж они теперь сами будут краны чинить, и неважно, капают они или нет.

— Может, и станут, но речь не о том. Ты даже чай ему допить не дала! — Мама пылала праведным гневом. — Я

просто не узнаю тебя. Что с тобой?

— Ничего. Я просто устала, пришла с работы, а тут...

— А тут вежливый и обходительный мужчина, приятный во всех отношениях, — перебила меня родительница. — Который никак — никак! — тебя не унизил, не оскорбил, и все твои закидоны сносит терпеливо и понимающе. От тебя что, убыло бы, если бы ты дала ему пятнадцать минут на чай?!

— Мама, — я устало вздохнула, — ну хватит уже. Хватит меня чихвостить. Я не хочу общаться со Львом. Не хочу и не буду. Пейте свой чай без меня.

Она молчала секунд тридцать, и я уже думала: всё, тема исчерпана. Но, оказалось, нет.

— Это из-за того, что он похож на Антона?

Я вздрогнула, напрягшись.

— Думаешь, я не заметила, как ты иногда смотришь на него? Точно с таким же выражением на лице ты порой разглядываешь Тонькины фотографии.

— Мама...

— Мама, мама, — повторила она сварливо и вздохнула. — Алёна, я всё понимаю. Но Лев, во-первых, не выбирал себе внешность. А во-вторых... Антон умер. Десять лет назад, дочка.

— Я помню, — огрызнулась я, почти бросая очередную домытую тарелку на сушильную полочку. — Я помню это каждый день и каждую секунду.

— В этом и беда. Пора бы забы...

— Мама! — я швырнула взятую в руки грязную вилку в раковину и обернулась к родительнице лицом. — Хватит. Я не желаю слушать ничего подобного. Уйди, пожалуйста, дай мне спокойно помыть посуду.

Она посмотрела на меня, как мне показалось, с горечью и всё же вышла с кухни. А я, вытерев ладонью засаднившие глаза, продолжила убираться.

К сожалению, избегать Шляпника оказалось делом более чем непростым. Погода стояла хорошая, тёплая и солнечная, и отделаться от близнецов, желающих рассекать по дорожкам парка на своих адских машинках, было совершенно невозможно. И уж на улице-то мы на соседа натыкались почти тут же. Как я поняла, он в принципе долго гулял с Ремом, и примерно в то же время, что и я со своими бандитами. Поэтому мы, естественно, встретили Льва Игоревича в парке с утра пораньше.

Я пыталась отделаться от этой прогулки, уговаривала маму пойти с близнецами, собираясь пылесосить квартиру. Но и родительница, и мальчишки заупрямились, а у меня не хватало сил на споры. Да и, по правде говоря, очень уж хотелось прогуляться. За неделю сидения в школе во время июньской жары я немного опухла мозгом, надо было проветриться.

— Доброе утро, дядя Лёва! — заорали хором близнецы, заметив энергичнодвигающегося по дорожке впереди нас Шляпника в неизменной ковбойке. Полдесятого утра, суб-

бота — Фред с Джорджем специально хотели пойти гулять как можно раньше, пока в парк не набежал народ, который им не нравилось объезжать на скутерах. Шумахеры...

На дорожках действительно было очень мало людей, так что мальчишки сияли от счастья. И засияли ещё больше, когда Шляпник обернулся и, остановившись, кивнул. Рем рядом с ним возбуждённо махал хвостом, вывалив наружу длинный ярко-розовый язык.

По поводу «дяди Лёвы» я детям так ничего и не сказала. А что тут говорить? Запрещать глупо, поэтому пусть называют. Не «папа» же...

Я невольно поморщилась при мысли о том, что близнецы могут начать называть чужого мужика папой, и Лев Игоревич, кажется, принял это на свой счёт — как только мы подошли ближе, он, мимолётно глянув на меня, вежливо и спокойно произнёс:

— Доброе утро. А мы уже возвращаемся домой.

Фред с Джорджем на мгновение застыли, а потом хором гаркнули:

— Врёте!

От такой наглости я даже онемела на секунду.

— Врёте! — продолжали между тем рыжие нахалы. — Мы видели, как вы выходили из подъезда.

— В окно видели!

— И это было десять минут назад!

— Да, десять! Рему мало десяти минут! Вы сами говори-

ли, что гуляете минимум по часу, а лучше — по два!

— Сегодня у меня дела, — пояснил сосед, и почему-то я тоже поняла — врёт. — Простите, ребята.

Он сделал шаг по направлению к выходу из парка... и тут мне стало настолько стыдно, что я, кажется, даже покраснела. Это было слишком очевидно — Шляпник решил не смущать меня, не путаться под ногами, и делал это, как обычно, со свойственной ему деликатностью.

А я... веду себя как последняя сволочь.

— Да ладно вам, — вздохнула я, не глядя на соседа. — Погуляйте с нами немного. Мы... будем рады.

— ДА! — хором подтвердили близнецы, и я всё же подняла голову.

Лев Игоревич сосредоточенно изучал моё лицо, которое, как я полагала, наверняка уже сравнялось цветом с помидором. Он словно пытался что-то просчитать, решить сложное жизненное уравнение.

— Вы уверены? — уточнил он в конце концов, и я кивнула под очередное «да!» Фреда и Джорджа. — Что ж... хорошо. Давайте погуляем.

— Ур-р-ра! — гаркнули мальчишки, и я всё же невольно улыбнулась. Ладно, пусть радуются.

Во время прогулки я несколько раз думала о том, как же хорошо, что вместе с нами гуляет Шляпник. Близнецы, к моему удивлению, смотрели ему в рот и слушались его намно-

го лучше, чем меня, и гораздо меньше стремились удрать и на полной скорости съехать с какой-нибудь адской горки. И я в присутствии соседа могла хоть немного расслабиться, а не дёргаться каждую секунду, что мои лихачи вот-вот навернутся со своих скутеров и покатаются по асфальту двумя рыжими колобками.

Мне нравилось гулять вместе со Львом Игоревичем. И разговаривать с ним мне тоже нравилось. В этом и беда...

— А когда вы приступите к работе в нашей школе? — поинтересовалась я в перерывах между заездами Фреда и Джорджа — близнецы в это время кружили метрах в десяти от нас. — С первого сентября или раньше?

— За неделю до первого, — ответил сосед, не отрывая взгляда от мальчишек и семенящего за ними охранника — Рема. — Так решила Шустрова. Ваша... Новицкая, да?

— Да.

— Она доработает до конца лета, а потом уже я начну исполнять свои обязанности. А пока я отдыхаю. — Шляпник усмехнулся. — И проедаю свои сбережения.

— А где вы раньше работали?

— В школе.

— Это я понимаю. А в какой?

Сосед назвал номер и район.

— В другом конце города...

— Да, мы там жили вместе с женой. После развода я оставил ей целиком совместно нажитое имущество и купил эту

квартиру в ипотеку. Сами понимаете, отсюда ездить в мою прежнюю школу — это утопия, так что пришлось заодно и работу менять.

С женой. Он был женат и развёлся. Нет, вроде обычная история, но меня всё равно что-то цепляло...

Кажется, это было удивление от того, что Шляпник мог развестись с кем-то. Точнее, что какая-то неизвестная женщина могла с ним развестись. Спокойный, покладистый мужик... Собак она, что ли, не любит?

— А почему вы развелись?

Вопрос был крайне нетактичный, ну и плевать. Мне слишком интересно! Не захочет — не ответит.

— Знаете, как сказал мой брат: «Удивительно, что ты женился, а вот что ты развёлся, совсем не удивительно». Так что я даже не знаю, как ответить. Мы с Татьяной просто не пара друг другу. Почти пять лет мучились, потом плюнули и развелись.

Мне было сложно это понять. Зачем тогда жениться, если «не пара»? Я знала, что такое сплошь и рядом, но мне, как человеку, который не мыслил рядом никого, кроме Антона, всегда это было странно.

Больше мы со Шляпником про его развод не говорили. Догуляли до дома, простились и разошлись каждый к себе. Правда, Фред и Джордж пытались склонить меня к приглашению соседа на обед, но Лев Игоревич так быстро ретировался, что я окончательно уверилась — он явно решил в сво-

ей голове какое-то уравнение, записал ответ и вывел теорему, не требующую доказательств.

— Мама, а давай завтра устроим пикник! — сказали близнецы вечером, когда я уже убирала пустые тарелки после ужина. — Погода будет хорошая...

— Можно, — кивнула я, подумав, что пикник лучше гонок на скутерах, но тут же застыла, потому что Фред протянул:

— И дядю Лёву позовём, да-а-а-а?

Не-е-е-ет. Нет, блин!

— И Рема, — добавил Джордж.

— Будет классно, — заключил Фред, и оба шантажиста уставились на меня взглядом маньяка, заприметившего себе жертву.

Мама почему-то молчала, хотя по идее должна была поддерживать мальчишек. Но нет — родительница молча помогала мне убирать посуду.

— Он, может, занят, — пробормотала я, испытывая безумное желание залезть под стол и никогда оттуда не вылезать.

— А давай позвоним и спросим! — огорошил меня Джордж. — Дядя Лёва нам свой телефон дал!

— Или спустимся и спросим!

— Да!

Господи, как мне остановить этот поезд с отказавшими

тормозами?!

— Может, лучше позовём кого-нибудь из ваших друзей-одноклассников? — предложила я, вздохнув. — Юлю Бессонову, например...

Это была, конечно, тяжёлая артиллерия с моей стороны. Фред и Джордж, влюблённые в Юлю, раньше обязательно бы поддержали эту идею, но...

— Так она же в Крыму!

— Да, в Крыму с бабушкой и дедушкой! До августа!

Точно. И как это я забыла?

— Ну, тогда можно позвать Серёжу Волкова.

— Серёжа на даче!

— Максима Ларина?

— Макс в эти выходные с папой рыбачит за городом. А потом тоже поедет на дачу!

М-да... Друзья и товарищи катастрофически заканчивались. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

— Ребята, навязываться нехорошо. Если мы предложим Льву Игоревичу сходить с нами на пикник, он примет это предложение просто из вежливости.

Близнецы смотрели на меня несколько секунд, хмурясь, а потом спросили, поставив этим вопросом в тупик:

— Зачем?

Я моргнула:

— Что — зачем?

— Зачем ему соглашаться из вежливости? — Джордж.

— Он же взрослый! — Фред.

— Он проводит с нами время, потому что ему с нами интересно! — Опять Джордж. — Он сам так говорил!

Абзац.

Я сосредоточенно потёрла лоб, не зная, что ещё такое придумать, чтобы дети оставили эту идею. Но ничего не придумывалось.

Я уже собиралась открыть рот и признать своё поражение, как меня вдруг осенило.

— Ладно. Тогда я сейчас сбегаю ко Льву Игоревичу, приглашу его на завтрашний пикник. Договорились?

Близнецы просияли, кивнули и синхронно вскочили с табуреток, чуть не наступив на Фиму. Кот быстро шмыгнул под стол и забился в дальний угол — подальше от моих рыжих кошмаров.

— Да, мама!

— Спасибо!

И убежали в свою комнату.

— Ты, естественно, никуда не пойдёшь и ничего спрашивать не будешь? — хмыкнула мама, положив в раковину последнюю грязную тарелку. — Ох, Алёна...

— Почему же, я пойду и спрошу. — Надо же, как она плохо обо мне думает. — Иначе это всё равно всплывёт рано или поздно, и мальчишки на меня обидятся. Так что я спрошу.

— Хм. А если он согласится?

«Я сделаю всё, чтобы он не согласился».

— Проблемы надо решать по мере их поступления.

— Ах, вот как.

— Угу.

Мама коснулась моего локтя, заставив посмотреть на себя.

— Алён, мне кажется, ты ему нравишься, — сказала она, глядя на меня очень серьёзно, будто президентский указ зачитывала. — Но он не знает, как к тебе подойти. Вот, через ребят пытается.

— Ко мне лучше не подходить, — фыркнула я, отводя глаза. Вот это «ты ему нравишься» отчего-то очень смутило.

— Да надо к тебе подходить, надо, — вздохнула мама. — Тебе нужен мужчина. Пусть не муж, но хотя бы любовник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.